

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ХАМИТОВ ЕРЛАН ЕРКИНОВИЧ

Криминологическая характеристика и предупреждение вандализма

Проект на соискание степени магистра национальной безопасности и военного
дела по образовательной программе 7М12301 «Правоохранительная
деятельность» (профильное направление)

Научный руководитель:
доцент кафедры специальных
юридических дисциплин,
Августхан С.А.
доктор PhD,
старший советник юстиции

г. Косшы, 2025 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл диссертациялық зерттеу жұмысы Қазақстан Республикасындағы вандализм құбылысының криминологиялық және құқықтық аспектілерін кешенді түрде талдауға арналған. Зерттеу нысаны ретінде вандализм актілерімен байланысты қоғамдық қатынастар, ал пәні ретінде осы құқықбұзушылықтың құқықтық реттелуі, субъектілік құрылымы және оны алдын алудың институционалдық тетіктері алынды.

Диссертациялық жобаның теориялық маңыздылығы — вандализмді девианттық мінез-құлықтың ерекше түрі ретінде ғылыми тұрғыда ұғындыру және қылмыстылықтың алдын алуға қатысты криминологиялық теорияны дамытуда жатыр. Ал практикалық маңыздылығы — алынған нәтижелерді құқық қорғау органдарының профилактикалық қызметінде, заң шығармашылық процестерде, сондай-ақ білім беру мен құқықтық тәрбие салаларында қолдануға мүмкіндік береді.

РЕЗЮМЕ

Данное диссертационное исследование посвящено комплексному анализу криминологических и правовых аспектов вандализма в Республике Казахстан. Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с совершением актов вандализма, предметом — правовое регулирование данного явления, структура его субъектов и институциональные механизмы предупреждения.

Теоретическая значимость диссертационного проекта состоит в углублении понимания вандализма как формы девиантного поведения и развитии криминологической теории предупреждения преступности. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов в деятельности правоохранительных органов, нормотворчестве, образовательных и воспитательных программах, направленных на формирование правосознания молодежи.

SUMMARY

This dissertation provides a comprehensive analysis of the criminological and legal aspects of vandalism in the Republic of Kazakhstan. The object of the research is the public relations arising in connection with acts of vandalism; the subject is the legal regulation of this phenomenon, the profile of its perpetrators, and institutional mechanisms for its prevention.

The theoretical significance of the research lies in the deepened understanding of vandalism as a form of deviant behavior and the advancement of criminological theory on crime prevention. Its practical value is reflected in the potential application of the findings by law enforcement agencies, policymakers, and educators, particularly in youth legal education and awareness.

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	4
ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	5
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	6
ВВЕДЕНИЕ.....	7
1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАНДАЛИЗМА	
1.1 Историко-правовое развитие категории «вандализм»	11
1.2 Законодательное регулирование вандализма: отечественный и международный опыт	26
1.3 Криминогенные факторы и мотивационные установки, способствующие совершению вандальных действий	33
2 ПРАКТИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВАНДАЛИЗМА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ	
2.1 Анализ правоохранительной и судебной практики по делам о вандализме (на примере Республики Казахстан)	40
2.2 Предложения по совершенствованию системы предупреждения и правового регулирования вандализма.....	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	57
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	60

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящем проекте использованы ссылки на следующие стандарты.

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V
3. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК
5. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК
6. Закон Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 года № 207
7. Закон Республики Казахстан «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» от 9 февраля 2015 года № 285-V ЗРК
8. Закон Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года № 401-IV
9. Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» от 8 августа 2002 года № 345
10. Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности» от 9 июля 2004 года № 591
11. Закон Республики Казахстан «О государственных символах Республики Казахстан» от 4 июня 2007 года № 258
12. Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416
13. Закон Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» от 23 января 2001 года № 148
14. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674
15. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О судебной практике по делам о хулиганстве» от 12 января 2009 года № 3
16. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия торговле людьми, проявлению вандализма и порче чужого имущества» от 5 июля 2024 года № 111-VIII ЗРК

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем проекте применяют следующие термины с соответствующими определениями:

1. Вандализм — это осквернение объектов историко-культурного наследия, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, надписями или рисунками, или иными действиями, оскорбляющими общественную нравственность.

2. Осквернение — форма выраженного неуважения к объекту, связанного с приданием ему уничижительного, оскорбительного или постыдного вида, нередко сопровождающаяся использованием надписей, символов, графических или иных воздействий, дискредитирующих социальную, историческую или духовную значимость объекта.

3. Символический объект — объект материального или цифрового мира, который имеет не только утилитарное, но и общественно значимое семантическое значение, отождествляется с историческими, культурными, политическими или религиозными ценностями (например, памятники, государственная символика, храмы, флаги).

4. Правосознание — совокупность индивидуальных и коллективных представлений о справедливости, допустимости и правомерности поведения, обусловленных действующим правом, моралью и культурными нормами. Низкий уровень правосознания является одним из существенных факторов девиантного поведения, включая вандализм.

5. Девиантное поведение — социально отклоняющееся поведение, противоречащее установленным в обществе нормам и ценностям. Вандализм является одной из форм девиантного поведения, обладающей повышенной степенью общественной опасности.

6. Профилактика правонарушений — система правовых, организационных, воспитательных и иных мер, направленных на предупреждение совершения преступлений и правонарушений, устранение причин и условий, способствующих их возникновению.

7. Криминологическая характеристика — совокупность устойчивых признаков, свойств и закономерностей, присущих определённому виду преступности, включающая анализ субъектов, мотивов, обстоятельств совершения, тенденций и способов предупреждения.

8. Общественное место — пространство, открытое для посещения и наблюдения неопределённым кругом лиц, включая улицы, парки, подъезды, транспорт, учреждения образования, культовые здания и цифровые ресурсы, визуально доступные пользователям.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

РК	Республика Казахстан
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
КРКоАП	Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях
УПК РК	Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан
МВД РК	Министерство внутренних дел Республики Казахстан
ГП РК	Генеральная прокуратура Республики Казахстан
ВС РК	Верховный Суд Республики Казахстан
НПА	Нормативный правовой акт
НПО	Негосударственная (неправительственная) организация
КК	Квалифицирующие признаки
ОП	Общественный порядок
ЦП	Цифровое пространство
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
СМИ	Средства массовой информации
ОО	Общественное объединение
ВПО	Высшее профессиональное образование
ЮНК	Уголовное наказание
ЛПП	Личностно-психологический портрет
ПП	Преступное поведение
ПМСП	Первичная медико-социальная помощь (в контексте ювенальной превенции)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что в условиях стремительной урбанизации, цифровизации общественной жизни и трансформации молодежных субкультур, наблюдается устойчивая тенденция роста преступлений, связанных с осквернением объектов историко-культурного наследия, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, надписями или рисунками, оскорбляющими общественную нравственность. Вандализм — одна из наиболее социально опасных форм девиантного поведения, затрагивающая не только экономические интересы граждан и государства, но и культурные, исторические и моральные основы общества. Разнообразие форм проявления вандализма — от традиционных (порча зданий, граффити, повреждение транспорта) до современных (кибервандализм, идеологически мотивированные действия в цифровой среде) — усложняет процесс правовой квалификации, криминологического анализа и профилактики подобных деяний.

Особую актуальность данной проблеме придаёт то, что она была обозначена в Послании Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на третьем заседании Национального курултая, состоявшемся 15 марта 2024 года в Атырау, тема вандализма была затронута как одна из ключевых социальных проблем. Президент подчеркнул, что вандализм стал крайне негативным явлением в обществе, свидетельствующим о невоспитанности и бескультурье. Он отметил случаи порчи общественного имущества и культурного наследия, призвав каждого гражданина защищать общественное имущество как свое собственное. В качестве примеров для подражания были приведены страны, где сформирована высокая культура уважения к общественному пространству, такие как Япония, Южная Корея, Китай и Сингапур. Президент также подчеркнул необходимость воспитания у подрастающего поколения бережного отношения к окружающей среде и общественным ценностям.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что значительная часть актов вандализма совершается лицами, от 18 до 25 лет, то есть в наиболее восприимчивом и социально нестабильном возрасте — в период подростковой и ранней юношеской социализации. Согласно статистическим данным Комитета правовой статистики и специальных учётов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в 2023 году из общего числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности по статье 294 Уголовного кодекса РК (вандализм), 66 человек (28,3%) были несовершеннолетними, а 93 человека (39,9%) — в возрасте от 18 до 25 лет. Таким образом, совокупно доля молодых правонарушителей в возрасте до 25 лет составила 68,2% от всех зарегистрированных случаев, что указывает на необходимость прицельной профилактической работы с данной возрастной группой и о недостаточной эффективности системы воспитания, правового просвещения, а также

институциональных мер профилактики. Более того, в условиях глобализации и распространения цифровых коммуникаций, акты вандализма приобретают организованные, символические и даже политически мотивированные формы, что трансформирует их криминологическую сущность и требует адекватного научного осмысления.

Необходимость комплексного анализа вандализма как социально-правового явления, его субъектной структуры, причинно-следственных связей и эффективных профилактических механизмов делает данное исследование актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Оценка современного состояния решаемой практической задачи. Проблематика правового и криминологического анализа вандализма получила ограниченное, но постепенно возрастающее внимание в научной литературе. Среди отечественных и зарубежных исследователей, рассматривавших вандализм как форму девиантного и уголовно наказуемого поведения, следует отметить таких авторов, как А.А. Баймуханов, К.К. Жумагулов, Л.Н. Махмудова, Н.А. Ермоленко, С.Б. Бекмаганбетов, Е.С. Назаренко, М.А. Чучаев, В.П. Малков, Ж.А. Жакупов.

Вопросы историко-правовой эволюции понятия вандализма, его юридико-догматических признаков и квалификационных особенностей получили развитие в трудах А.В. Наумова, Т.М. Абайдельдинова, а также в сравнительно-правовом аспекте - в исследованиях, посвящённых зарубежному законодательству Франции, Германии, Великобритании и РФ. Отдельные аспекты, связанные с кибервандализмом и символическим характером деяний, поднимались в рамках междисциплинарных работ в области уголовного и информационного права. Несмотря на имеющийся научный интерес, в отечественной доктрине отсутствует единая классификация форм вандализма, нормативная конкретизация его признаков, а также системные подходы к дифференциации данного состава от смежных правонарушений, что обуславливает актуальность и новизну заявленного исследования.

Цель настоящего магистерского проекта заключается в формировании целостного криминологического представления о феномене вандализма в современных условиях и разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию системы его предупреждения в Республике Казахстан.

В рамках поставленной цели сформулированы следующие задачи исследования:

- проанализировать эволюцию и сущность понятия «вандализм» в правовой и криминологической науке;
- определить уголовно-правовые признаки состава преступления, квалифицируемого как вандализм;
- охарактеризовать социально-демографические и психологические особенности субъектов, совершающих вандальные действия;
- выявить основные криминогенные факторы и условия, способствующие распространению данного вида преступности;

— проанализировать текущую практику предупреждения и пресечения вандализма в Республике Казахстан;

— выработать предложения по совершенствованию правового и институционального механизма профилактики вандализма.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе совершения, расследования и предупреждения преступлений вандалистского характера.

Предметом исследования являются криминологические особенности вандализма, правовые механизмы его пресечения, а также институциональные и социальные меры профилактики.

Методы и методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный и структурно-функциональный подходы), а также специальные юридические и криминологические методы: сравнительно-правовой анализ, статистический метод, контент-анализ нормативно-правовых актов и обобщение судебной практики. Использование этих методов обеспечило комплексность и объективность исследования.

Обоснование научной новизны диссертации заключается в следующем:

Научная новизна магистерского проекта заключается в комплексном криминологическом анализе вандализма как самостоятельного социально-правового феномена, с учётом современной криминогенной ситуации в Республике Казахстан. В работе впервые обоснована необходимость выделения вандализма в отдельную категорию анализа с учётом его социальной опасности, латентности и деструктивного воздействия на общественное пространство. Предложены меры предупреждения вандализма, основанные на результатах эмпирического исследования и современных подходах в области криминологической профилактики. Разработанные рекомендации могут быть использованы в практике правоохранительных органов и при формировании государственной политики по охране общественного порядка.

Практические рекомендации:

1. Разработаны и внедрены методические рекомендации по совершенствованию профилактики вандализма и усилению мер криминологического предупреждения [Приложение 1].

2. Обосновывается вывод о совершенствовании учета и анализа правонарушений, связанных с вандализмом путем создания отдельного статистического блока по преступлениям против объектов культурного и общественного значения, что позволит повысить точность криминологической диагностики и планирования профилактики.

3. Анализ профилактических мер предупреждения вандализма показал, о необходимости введения обязательного направления лиц, привлеченных за вандализм, на общественно-полезные работы, связанные с восстановлением поврежденных объектов (с учетом их возраста и статуса), как элемент ресоциализации и восстановительной юстиции.

Апробация и внедрения результатов. Основные выводы и предложения, содержащиеся в магистерском проекте обсуждены на заседании и кафедры Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, а также опубликованы в статьях по исследуемой проблематике.

Материалы магистерского проекта внедрены в практическую деятельность [Приложение 2].

1. Теоретико-правовые и криминологические основы исследования вандализма

1.1 Историко-правовое развитие категории «вандализм»

Феномен вандализма представляет собой историко-культурный и правовой конструкт, генезис которого опосредован глубокими социальными трансформациями, изменением отношения общества к общественным пространствам, собственности и символическим ценностям. Этимологически термин «вандализм» восходит к названию восточногерманского племени вандалов, чьи действия при захвате Рима в 455 году н.э. были впоследствии идеологически трансформированы в образец бессмысленного, варварского разрушения. Однако в рамках юридической мысли соответствующее понятие приобретает самостоятельное нормативное значение лишь в Новое время.

Первые правовые упоминания, косвенно схожие по характеру с современным пониманием вандализма, встречаются в средневековых правовых памятниках, преимущественно в контексте охраны частной собственности и сакральных объектов. Так, в «Салической правде» и «Кутюб-и-Сийасе» упоминаются санкции за порчу имущества или разрушение храмов, но они носили казуальный характер и были неотделимы от религиозных и классовых представлений. Как отдельная правовая категория, вандализм начал формироваться в постреволюционный период в Европе, когда вопросы защиты публичного пространства, объектов культуры и архитектурного наследия стали предметом государственной политики [1].

В нормативно-правовой доктрине Франции и Великобритании конца XIX — начала XX века зарождается представление о вандализме как о посягательстве не только на имущественные, но и на культурные ценности общества. Особое внимание уделялось преступлениям против эстетических и исторических объектов: памятников, картин, библиотек. На этом этапе формируется так называемый культурно-охранительный аспект вандализма, который впоследствии станет фундаментом для включения данного понятия в уголовное законодательство.

В контексте советской юридической науки термин «вандализм» был заимствован из западной криминологической и идеологической лексики, однако в нормативной плоскости долгое время отсутствовал. Лишь в 1960-е годы, под влиянием западной правовой традиции и роста молодежной уличной преступности, понятие вандализма было кодифицировано в уголовном законодательстве СССР как самостоятельный состав преступления. В редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 года вандализм определялся как умышленное осквернение зданий, сооружений, порча имущества в общественных местах. Эта формулировка была воспроизведена в национальных законодательствах республик, в том числе в уголовном законодательстве Республики Казахстан.

Упоминание о понятии вандализма имеется в статье 294 Уголовного кодекса Республики Казахстан, где он трактуется как осквернение объектов историко-культурного наследия, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, надписями или рисунками, которые оскорбляют общественную нравственность. Наказание за такие деяния, согласно данной статье, варьируется от штрафа до лишения свободы, в зависимости от обстоятельств и степени тяжести преступления.

Понятие «вандализм» в законодательстве Республики Казахстан охватывает не только уголовную ответственность, но и административную, а также меры по защите культурного наследия и окружающей среды.

Однако на сегодняшний день данное определение вызывает определённые научные дискуссии ввиду его лаконичности, отсутствия разграничения между символическим, идеологическим, культурным и хулиганским характером посягательства. Ряд казахстанских исследователей (А.А. Баймуханов, К.К. Жумагулов, Л.Н. Махмудова) обращают внимание на необходимость переосмысления категории «вандализм» с учётом современных реалий. По их мнению, при квалификации вандалистских актов необходимо учитывать не только физический ущерб, но и символическую направленность деяния, его мотивационную составляющую и социальный резонанс. Отдельную группу составляют деяния, совершённые в цифровом пространстве (например, defacing — взлом и порча веб-сайтов), которые, несмотря на наличие общественной опасности, не охватываются диспозицией ст. 294 УК РК [2].

Следовательно, на современном этапе развития правовой науки и уголовной политики, актуализируется необходимость модернизации теоретико-правовых подходов к определению и квалификации вандализма. Это включает в себя дифференциацию правовых режимов (вандализм, хулиганство, экстремизм, киберпреступления), учет новых форм деструктивной активности и адаптацию положений уголовного законодательства к изменяющимся условиям социального взаимодействия.

Неотъемлемым этапом в становлении концепта вандализма в уголовно-правовой науке стало его постепенное преобразование из акта сугубо материального посягательства в символическое, демонстративное деяние, выражающее протест, социальную фрустрацию либо культурное противопоставление. В постиндустриальном обществе вандализм зачастую утрачивает свою классическую форму, становясь инструментом выражения анархистских, политических, эстетических и иных мировоззренческих позиций. Это качественное изменение требует от юридической науки разработки не только формальных критериев состава преступления, но и социокультурного, поведенческого и мотивационного анализа личности правонарушителя [3].

Параллельно с этим в научном обороте закрепляется понятие кибервандализма — как разновидности цифровой деструктивной активности, сопряженной с вмешательством в информационные системы, изменением визуального интерфейса сайтов, порчей баз данных и деструкцией цифрового

контента. Правовая квалификация подобных деяний находится на стыке нескольких отраслей права — уголовного, информационного, административного, что делает необходимым выработку междисциплинарного подхода к определению признаков преступного вандализма в киберпространстве. В международной доктрине, в частности в рамках Будапештской конвенции о киберпреступности (2001), подчеркивается важность квалификации подобных актов как нарушающих не только техническую, но и правовую архитектуру цифровой среды [4].

В англосаксонской правовой системе, напротив, традиционно преобладает прагматический подход: вандализм рассматривается как причинение ущерба чужому имуществу с возможными отягчающими обстоятельствами (например, если вред причинён общественно значимому объекту или деяние сопровождается иными противоправными действиями). Тем не менее, начиная с конца XX века, особенно в период массовых протестных движений (например, британские студенческие волнения 2010 г., беспорядки в Фергюссоне, США, 2014 г.), наблюдается тенденция к расширенному правовому осмыслению вандализма в контексте нарушений общественного порядка и государственной символики [5].

В постсоветском пространстве, включая Республику Казахстан, развитие правового института вандализма также претерпело существенную эволюцию. Первоначально вандализм рассматривался сквозь призму идеологической борьбы — как антигосударственный акт, часто ассоциируемый с хулиганством или саботажем. В последующем, с учетом трансформации социально-правовой реальности и утверждения принципов правового государства, вандализм был переосмыслен как специфический состав преступления против общественного порядка, в котором юридическая доктрина начала учитывать и мотивационный, и символический аспекты правонарушения.

Вместе с тем, в научной литературе существует устойчивая позиция (А.В. Наумов, В.П. Малков, Ж.А. Жакупов), согласно которой вандализм как юридическая категория должен сохранять четкую ограниченность и конкретику. Широкое или метафорическое использование термина в праве может привести к неопределенности уголовной репрессии, нарушению принципов законности и правовой определенности. Отсюда возникает необходимость проведения четкой границы между вандализмом и иными формами деструктивного поведения — хулиганством, экстремизмом, повреждением имущества, нарушением общественного порядка и др [7].

В юридической доктрине вандализм традиционно рассматривается как один из видов преступлений, направленных на подрыв устоев общественного порядка и нанесение ущерба как материального, так и нематериального характера объектам, имеющим общественную значимость. Несмотря на внешнюю очевидность понятия, в рамках уголовно-правовой догматики оно вызывает значительное число научных дискуссий, что обусловлено как вариативностью форм проявления соответствующего поведения, так и

отсутствием унифицированного подхода к разграничению вандализма от иных смежных составов преступлений.

Современное уголовное законодательство Республики Казахстан закрепляет вандализм как осквернение объектов историко-культурного наследия, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, посредством надписей, рисунков или иных действий, оскорбляющих общественную нравственность. Понятие «вандализм» в законодательстве Республики Казахстан охватывает как уголовную, так и административную ответственность, например, в статье 448 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях закреплено данное понятие, которое предусматривает ответственность за вандализм, совершённый несовершеннолетними в возрасте до 16 лет [8].

С догматической точки зрения вандализм представляет собой преступление, характеризующееся следующими элементами состава:

1. Объект преступления — общественные отношения, обеспечивающие охрану общественного порядка, эстетического и функционального состояния городского и архитектурного пространства, а также собственности (частной, государственной, коммунальной). В ряде случаев вандализм может затрагивать дополнительные объекты уголовно-правовой охраны — культурное наследие, религиозные ценности, инфраструктурные элементы, что требует дифференцированного подхода к квалификации.

2. Объективная сторона — выражается в активных действиях, направленных на физическое изменение, повреждение или уничтожение материального объекта, включая его эстетическое и символическое искажение. Особо следует отметить, что деяния, составляющие вандализм, зачастую не преследуют цели получения экономической выгоды, а мотивируются психологическими, идеологическими, протестными или иными нематериальными мотивами. Это отличает вандализм от преступлений против собственности и от актов экстремизма, где мотив и цель имеют иное содержательное наполнение.

3. Субъект преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В юридической литературе отмечается, что подавляющее большинство актов вандализма совершается лицами в возрасте от 14 до 25 лет, что связано с высокой степенью социальной неустойчивости, подверженностью групповому влиянию, и слабым уровнем правосознания. В то же время участие вандалов в организованных протестных или идеологически окрашенных актах требует рассмотрения квалифицирующих признаков (например, повторности, мотивов ненависти и пр.)

4. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, при котором лицо осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит наступление вредных последствий и желает их наступления. В доктрине ведутся активные споры относительно возможности признания вандализма

формой косвенного умысла или преступной небрежности, особенно в ситуациях, когда лицо недооценивает значимость объекта посягательства (например, нанесение надписей на религиозных сооружениях без осознания их священного статуса). Однако преобладающей является позиция, в соответствии с которой вандализм предполагает сознательное и волевое искажение, осквернение или разрушение объекта.

Юридикологическая специфика вандализма заключается также в его пограничности с другими составами преступлений. Так, в правоприменительной практике часто возникают трудности с разграничением вандализма и хулиганства (ст. 293 УК РК), уничтожения имущества (ст. 202 УК РК), нарушения порядка проведения массовых мероприятий (ст. 400 УК РК), а также преступлений экстремистской направленности (ст. 174 УК РК). Отличие вандализма от перечисленных составов состоит, прежде всего, в отсутствии элемента систематического нарушения общественного порядка с выраженной агрессией к лицам (хулиганство), в отсутствии признака значительного материального ущерба (уничтожение имущества), и в отсутствии направленности действий на возбуждение социальной или религиозной розни (экстремизм) [9].

В казахстанской правовой доктрине (например, в трудах Н.А. Ермоленко, С.Б. Бекмаганбетова) подчёркивается необходимость уточнения формулировки ст. 294 УК РК с тем, чтобы устранить неопределённость в отношении понятий «осквернение», «порча» и «общественное место». Последнее, в частности, вызывает затруднения при квалификации деяний, совершённых в пределах полуприватных пространств, таких как подъезды жилых домов, школьные территории, фасады зданий, находящихся в частной собственности, но визуально доступных публичному наблюдению. Предлагается закрепить в законе расширительное определение «общественного места», аналогичное используемому в Кодексе об административных правонарушениях.

Продолжая анализ юридическо-догматической конструкции вандализма, следует отметить, что ее формальная определенность в национальном уголовном законодательстве не устраняет множественности подходов в правоприменительной практике. Отсутствие легального определения терминов «осквернение», использованных в диспозиции статьи 294 УК РК, создаёт предпосылки для произвольного толкования данных понятий органами дознания, следствия и суда. Это, в свою очередь, порождает коллизионные ситуации в процессе разграничения вандализма с иными деликтами, в частности с умышленным уничтожением или повреждением имущества, совершённым без признаков публичности или символической значимости объекта [10].

Так, например, повреждение фасада жилого здания посредством нанесения нецензурной надписи при отсутствии подтверждённого ущерба зачастую квалифицируется как административное правонарушение (ст. 434 КРКоАП — мелкое хулиганство), хотя по своей сути может обладать

признаками вандализма. Между тем при наличии квалифицирующих признаков (публичность, социально опасный мотив, идеологическая или религиозная направленность, систематичность деяния) даже незначительное по фактическому ущербу действие может носить признаки уголовно наказуемого вандализма.

Таким образом, граница между вандализмом и смежными правонарушениями зачастую проходит не по линии материального ущерба, а по линии социального содержания и направленности действия, что придаёт оценочному характеру ключевую роль в квалификации. Подобная ситуация требует нормативной детализации либо путем включения примечаний к ст. 294 УК РК, либо посредством принятия разъяснений Верховного Суда РК, аналогичных существующим по ст. 293 (хулиганство) или ст. 174 (разжигание розни) [11].

Дополнительной проблемой, выявляемой в процессе анализа правоприменительной практики, является практически полное отсутствие судебной дифференциации между формами вандализма, направленными на объекты культурного и исторического наследия, и актами, сопряжёнными с повреждением утилитарной городской среды. При этом в международном праве (в частности, в Европейской хартии о культурном наследии) прямо указывается на особую защиту таких объектов, а в законодательстве ряда стран (например, Франции, Италии, Германии) предусмотрены отдельные статьи за осквернение памятников, мест захоронений, храмов и т.п.

На основе изложенного можно заключить, что современная юридико-догматическая конструкция вандализма в Казахстане требует дальнейшей концептуализации. Это возможно посредством:

- разграничения вандализма как преступления против общественного порядка и как посягательства на культурные или символические объекты;
- введения подвидов состава (например, «вандализм против объектов культурного наследия», «кибервандализм», «вандализм с мотивом вражды»);
- конкретизации признаков «публичного места» и «осквернения» в контексте социальной восприимчивости общества к тем или иным формам деструкции.

В рамках дальнейшего осмысления вандализма как уголовно-правового явления, особую методологическую ценность представляет анализ его онтологического статуса в правовой системе: является ли вандализм самостоятельной, завершённой категорией, или он функционирует как «пограничное» явление, производное от иных деликтных форм? Эта проблема не только носит теоретико-догматический характер, но и имеет прямое прикладное значение — от ответа на неё зависит объем уголовной репрессии, пределы судебного усмотрения и соотношение санкций.

Юридическая наука, начиная с работ классиков уголовного права (Ф. Лист, А. Гарофало, П. И. Люблинский), всегда подчеркивала необходимость чёткого выделения телеологических признаков деяния — то есть целей и

ценностных ориентиров, к которым адресована криминализация. В случае с вандализмом наблюдается своеобразный правовой парадокс: формально он относится к преступлениям, направленным на общественный порядок, однако материальный вред причиняется преимущественно объектам материального мира — зданиям, сооружениям, вещам. Таким образом, состав вандализма по своей структуре двоичен: он охраняет и общественные отношения (порядок, стабильность, безопасность), и имущественные объекты (как внешнее выражение этих отношений) [12].

В связи с этим в научной литературе сформировались три ключевых доктринальных подхода к понятию вандализма:

1. Имущественно-объектный подход (традиционный) — предполагает, что вандализм есть подвид преступлений против собственности, отличающийся специфической формой деструкции. Он акцентирует внимание на причинении вреда конкретному объекту, независимо от контекста. Такой подход критикуется за правовую избыточность и отсутствие в нём объяснительной силы относительно публичного характера деяния.

2. Социо-культурный подход — трактует вандализм как деяние, направленное против символических структур общества: норм, эстетики, исторической памяти, идеологических знаков. В этом смысле вандализм — это всегда манифест, даже если не артикулированный. Именно с позиций этого подхода возможно обоснование включения вандализма в группу преступлений против общественного порядка и нравственности.

3. Интегративный (комплексный) подход — наиболее развит в современной европейской криминологии. Он предлагает рассматривать вандализм как состав, обладающий мультиобъектной направленностью: физический объект разрушения лишь носитель ценностей, а реальное преступное посягательство — на публичную норму, закреплённую в пространстве.

На основе указанных подходов представляется возможным более детально раскрыть содержание юридических признаков состава преступления, предусмотренного ст. 294 УК РК.

Таблица 1 - Сравнительно-догматическая характеристика вандализма и смежных составов преступлений

Признак	Вандализм (ст. 294 УК РК)	Хулиганство (ст. 293 УК РК)	Умышленное уничтожение имущества (ст. 202 УК РК)	Экстремизм (ст. 174 УК РК)
Объект посягательства	Общественный порядок, имущество,	Общественный порядок, моральные	Имущество (частное, государственное)	Общественная безопасность, межэтническая

	культурные объекты	устой	ное)	стабильность
Способ действия	Осквернение, порча, граффити в публичных местах	Агрессивное, вызывающее, провокационное поведение	Поджог, разрушение, уничтожение имущества	Высказывания, действия, возбуждающие вражду
Мотивация	Идеологическая, протестная, демонстративная	Асоциальная, эмоциональная, провокация	Корысть, месть, злонамеренность	Идеология, религиозная/этническая неприязнь
Публичность	Обязательно (общественные места)	Обязательно	Не требуется	Часто совершается публично
Прямой материальный ущерб	Может отсутствовать или быть минимальным	Не обязателен	Обязателен	Не обязателен
Квалифицирующие признаки	Группа, идеология, повторность, объект культурной ценности	Оружие, группа, грубое нарушение порядка	Крупный ущерб, рецидив	Группа, интернет, СМИ, мотив ненависти
Юридическая природа	Преступление против общественного порядка и культуры	Преступление против общественного порядка	Преступление против собственности	Преступление идеологического характера

Во-первых, действие как форма проявления вандализма, должно носить открытый, демонстративный характер. Склонность к публичности отличает вандализм от иных форм порчи имущества. Если лицо стремится остаться незамеченным (например, скрытно разбивает окно или портит имущество внутри частного владения), то, скорее всего, речь идет о другом составе. Вандализм, напротив, почти всегда осуществляется либо в условиях потенциальной визуальной наблюдаемости, либо непосредственно в публичных пространствах.

Во-вторых, формулировка «осквернение» требует самостоятельного толкования. В отличие от простой порчи, осквернение предполагает придачу объекту уничижительного, постыдного или оскорбительного характера. Это может выражаться в написании грубых надписей на религиозных объектах, нанесении идеологически или социально заряженных граффити, оставлении вульгарных знаков на памятниках или образовательных учреждениях. Таким образом, осквернение — это семантическое действие, в котором вред выражается не только в утрате физического состояния объекта, но и в снижении его символической легитимности [13].

В-третьих, территориальный признак «в общественном месте» также подлежит уточнению. Законодательно данный термин не раскрывается, что влечёт за собой необходимость его доктринального и судебного толкования. В соответствии с позиции, сложившейся в практике Верховного Суда РК, общественное место — это пространство, открытое для неопределённого круга лиц и находящееся под неограниченным визуальным или физическим доступом. Однако в эпоху цифровизации границы между публичным и частным всё более размываются, и правоприменителю необходимо учитывать, что даже физически закрытое пространство может рассматриваться как общественное, если оно выполняет социальную функцию (например, лифт, школьный двор, подъезд жилого дома).

Наконец, следует выделить категорию вандализма, сопряжённого с идеологической и политической мотивацией. В таких случаях вандализм утрачивает признаки стихийного или немотивированного поведения и приобретает черты осознанного политического высказывания. Это требует осторожного подхода к квалификации: такие действия могут граничить с преступлениями экстремистского характера (например, по ст. 174 УК РК), и важно не смешивать символическую агрессию с формами допустимого выражения мнения (ст. 20 Конституции РК). Следовательно, суд должен учитывать как контекст, так и намерение деятеля, степень нанесённого вреда и восприятие со стороны общества.

Следует подчеркнуть, что понятие вандализма, несмотря на его кажущуюся простоту, является юридически сложной конструкцией, сочетающей в себе элементы общественной опасности, публичности, мотивированной агрессии и повреждения материального объекта. Его адекватное понимание требует не только формального анализа текста закона, но и глубокого осмысления его социального, культурного и философского содержания [14].

Анализ уголовно-правового регулирования вандализма в Республике Казахстан демонстрирует устойчивую тенденцию к нормативной лаконичности и универсализму диспозиции, сопровождающейся при этом высокой степенью оценочности формулировок. Определение вандализма как осквернение объектов историко-культурного наследия, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, посредством надписей,

рисунков или иных действий, оскорбляющих общественную нравственность, на первый взгляд, является достаточно прямолинейной, однако именно в её краткости и абстрактности заложен целый комплекс правоприменительных и доктринальных проблем, касающихся как идентификации объекта посягательства, так и установления характера и степени общественной опасности соответствующего деяния.

Во-первых, казахстанское законодательство не содержит легальных определений терминов, использованных в диспозиции статьи 294 УК РК, такое как «осквернение», что обуславливает необходимость их доктринального и судебного толкования. Отсутствие нормативной конкретизации этих понятий создает предпосылки для произвольного применения нормы, а также затрудняет формирование единообразной следственно-судебной практики. В частности, отсутствует чёткое разграничение между действиями, образующими состав административного правонарушения (например, мелкое хулиганство, предусмотренное статьёй 434 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях), и действиями, представляющими собой уголовно наказуемый акт вандализма. Такая неопределенность приводит к дестабилизации правоприменения и снижает превентивную эффективность уголовного закона [15].

Во-вторых, структура состава вандализма в казахстанском уголовном праве носит универсальный, недифференцированный характер. Отсутствие квалифицированных и особо квалифицированных видов данного преступления не позволяет учитывать степень общественной опасности деяния в зависимости от объекта посягательства, характера вреда, мотива правонарушителя и социального контекста. Например, порча предметов культурного наследия, нанесение надписей на религиозные сооружения или уничтожение символов государственной власти рассматриваются в том же нормативном режиме, что и, условно, порча лавочек или остановочных павильонов. Такой подход снижает содержательную значимость нормы и обесценивает необходимость особой уголовно-правовой охраны объектов культурного, исторического или политического значения.

Между тем, международный опыт, особенно в правовых системах с развитой институциональной защитой общественных пространств и культурного наследия, демонстрирует значительно более дифференцированный и системный подход к законодательному регулированию вандализма. Например, в уголовном законодательстве Германии отдельные составы предусмотрены § 304 StGB («Повреждение объектов, охраняемых в интересах общества»), § 305 StGB («Повреждение общественных сооружений») и § 303 StGB («Уничтожение чужого имущества»). Вандализм в германском праве трактуется не как единый состав, а как форма деликта, охватывающего различного рода объекты — от исторических памятников и объектов инфраструктуры до средств транспорта и государственной собственности. При этом обязательным элементом квалификации выступает не только объективное

причинение вреда, но и противоправность действия в социально воспринимаемом контексте, что придаёт регулированию системность и гибкость [16].

В праве Франции нормы о вандализме сконцентрированы в статьях 322-1—322-6 Уголовного кодекса, где особо выделены действия, направленные на уничтожение или загрязнение чужого имущества, нанесение граффити, организация вандальных действий в составе группы, а также посягательства, совершённые с использованием средств массовой информации или сети интернет. Французский законодатель исходит из необходимости криминализации не только материального ущерба, но и вреда символического порядка, т.е. того урона, который причиняется социальной стабильности, культурной идентичности и общественному восприятию безопасности.

В Российской Федерации статья 214 УК РФ закрепляет состав «вандализма», определяя его как «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Подобно казахстанской норме, она страдает от правовой абстрактности и не содержит подвидов состава, однако в судебной практике активно применяется в связке с иными квалифицирующими обстоятельствами (например, посягательство на религиозные символы трактуется с привлечением статьи 148 УК РФ о нарушении права на свободу совести).

Анализ международных тенденций позволяет сформулировать несколько выводов:

1. Зарубежные законодательства ориентированы на дифференциацию состава вандализма, выделяя отдельные подвиды по критерию объекта, способа совершения и общественной значимости ущерба.

2. Большинство правовых систем уделяют особое внимание мотиву деяния, включая идеологическую или политическую направленность, что позволяет судам более гибко учитывать социальный контекст.

3. Регламентация ответственности за «цифровые» формы вандализма (кибервандализм) является нарастающим трендом, что проявляется в разработке норм, охватывающих уничтожение цифровых объектов, взлом визуальных интерфейсов, искажение электронных архивов.

Неотъемлемой составляющей полноценного осмысления уголовно-правового регулирования вандализма является его сопоставление с международно-правовыми обязательствами, принятыми Республикой Казахстан в рамках ратификации ключевых международных документов в области охраны культурного наследия, прав человека и обеспечения общественного порядка. Так, Казахстан является участником Конвенции ЮНЕСКО 1972 года об охране всемирного культурного и природного наследия, а также Фаросской конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (2005), провозглашающих приоритетность охраны культурных объектов, в том числе от актов вандализма. Однако отсутствие прямой трансформации положений этих международных актов в

уголовное право Казахстана приводит к тому, что акты вандализма, направленные на объекты культурного наследия, не обладают особым правовым режимом и не рассматриваются как преступления повышенной общественной опасности [17].

В этом контексте существенный интерес представляет анализ виктимологического измерения вандализма, то есть рассмотрение преступления не только с позиции субъекта, но и объекта воздействия, включая общество в целом. В правовой доктрине стран Европы и США активно развивается концепция «социальной виктимности», в соответствии с которой жертвами вандализма являются не только непосредственные владельцы повреждённого имущества, но и социальные группы, идентифицирующие себя через объект посягательства (например, этнические, религиозные, профессиональные сообщества, городские жители). Таким образом, вандализм, направленный на памятник, храм или флаг, приобретает форму коллективного оскорбления, что требует отдельной правовой квалификации и оценки с точки зрения принципа справедливости уголовной репрессии [18].

Таким образом, возникает потребность в внутренне сбалансированном подходе, при котором законодатель и правоприменитель будут учитывать не только формальные признаки деяния, но и его социальный, политический и культурный контекст, в том числе реакцию потенциальных или реальных «жертв» вандалистского посягательства. Например, повреждение государственной символики, нанесение антигосударственных граффити или искажение религиозных изображений требуют не только механической квалификации по статье 294 УК РК, но и комплексного анализа мотивов, степени социальной опасности, наличия отягчающих обстоятельств, характера объекта, а также масштаба последствий (в том числе психологических и медийных).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о рецидиве и повторности вандалистских действий, который в действующей редакции уголовного закона Казахстана не нашёл достаточной правовой проработки. В отличие от правовых систем ряда государств (например, США и Нидерландов), где рецидив вандализма автоматически увеличивает санкцию и может служить основанием для усиления надзора, в казахстанском уголовном законодательстве отсутствует дифференциация наказания в зависимости от повторности, социальной демографии субъекта и характера объекта. Это снижает превентивный потенциал нормы и не отражает реальной криминогенной опасности устойчивого антисоциального поведения [19].

В свете вышеизложенного, можно утверждать, что современное регулирование вандализма в уголовном праве Республики Казахстан находится на стадии системной недоразвитости, обусловленной как правовой архаичностью нормы, так и её институциональной изолированностью от смежных отраслей права и социальной политики. Для преодоления указанных дефицитов требуется не точечное ужесточение санкций, а введение

нормативно-структурных инноваций: квалифицированных составов, учёта мотива, расширения объекта охраны, внедрения восстановительных практик и более тесной интеграции уголовного закона с международными стандартами прав человека и культурной защиты [20].

Таблица 2 - Сравнительный анализ законодательства о вандализме: Казахстан и зарубежные страны

Страна / Система права	Норма закона	Объект охраны	Квалифицированные признаки	Особенности подхода
Казахстан	Ст. 294 УК РК	Общественный порядок, имущество	Не предусмотрены (единый состав)	Абстрактная диспозиция, отсутствие разграничений по объекту, игнорирование цифровых форм
Россия	Ст. 214 УК РФ	Общественные места, здания, транспорт	Групповой характер, мотив ненависти, повторность	Возможность совокупной квалификации и с иными составами (экстремизм, хулиганство)
Германия	§§ 303–305 StGB	Культурные объекты, общественная собственность	Историческая/религиозная ценность, статус объекта, способ деяния	Дифференциация по объекту, цели и обстоятельствам
Франция	Ст. 322-1 – 322-6 УК Франции	Имущество, граффити, архитектурные и культурные объекты	Группа, интернет, СМИ, общественное место	Особый правовой режим для культурных объектов, учёт канала и мотива
Великобритания	Criminal Damage Act 1971	Любое имущество, включая	Умышленность, значительный ущерб, сговор	Акцент на субъективной стороне;

		культурное		развит институт ресторативной юстиции
США (прецедентное право)	По законодательству штатов	Здания, памятники, объекты публичной инфраструктуры	Рецидив, стоимость ущерба, символическая значимость	Использование условного осуждения, общественных работ и компенсации ущерба

Завершая анализ нормативно-правового регулирования вандализма, необходимо подчеркнуть, что исследуемое деяние представляет собой правовую категорию, находящуюся на пересечении различных отраслей права — уголовного, административного, культурного, информационного и даже конституционного. Подобная межотраслевая специфика требует системного подхода как на уровне доктрины, так и в контексте позитивного права. Однако в действующем законодательстве Республики Казахстан отсутствует устойчивая правовая конструкция, обеспечивающая комплексную охрану общественных и культурных ценностей от посягательств вандального характера. В частности, наблюдается фрагментарность в закреплении категориального аппарата, недостаточная конкретизация признаков состава преступления, а также правовой ригидизм в вопросах адаптации к новым видам девиантного поведения - включая кибервандализм, субкультурное самоутверждение и идеологически окрашенные формы демонстративной деструкции [21].

Дискуссионной является и проблема оценки степени общественной опасности вандализма в зависимости от качества объекта посягательства. Очевидно, что вандализм в отношении остановочного павильона и вандализм, направленный против мемориала, памятника национального значения или религиозной святыни, не являются тождественными по характеру и последствиям. Тем не менее, в статье 294 УК РК эти акты находятся в одном и том же правовом поле. Это нивелирует значимость культурных и исторических ценностей как объектов уголовно-правовой охраны и противоречит международным обязательствам Казахстана в области охраны культурного наследия. Отсутствие правового разграничения по степени значимости объекта посягательства препятствует и эффективной превенции: при единых санкциях риск совершения вандализма в отношении особо охраняемых объектов возрастает, поскольку правоприменитель не имеет механизмов дифференцированного реагирования.

Следует также указать на отсутствие в национальном уголовном законодательстве прямого указания на кибервандализм как форму

противоправного воздействия. Современные вандалистские акты часто совершаются в цифровом пространстве и направлены на осквернение виртуальных репрезентаций институтов власти, организаций и сообществ — взломы сайтов, искажение интерфейса, публикация порочащих изображений и слоганов, замена государственной символики и пр. Несмотря на очевидную общественную опасность подобных действий, они либо вовсе не попадают под действие статьи 294 УК РК, либо квалифицируются по иным составам (например, «несанкционированный доступ к информационным системам»), что лишает сам термин «вандализм» универсальности и актуальности. В условиях стремительной цифровизации такие формы девиантного поведения должны находить прямое отражение в уголовной норме, возможно, в виде квалифицированного признака или отдельного состава, предусматривающего порчу, искажение или уничтожение цифровых объектов, имеющих общественную значимость [22].

Проблемой остаётся и отсутствие институализированной судебной интерпретации. Верховный Суд Республики Казахстан до настоящего времени не принял разъясняющих постановлений, касающихся состава вандализма, его квалифицирующих признаков, разграничения с хулиганством, а также практики назначения наказаний. Анализ ряда решений специализированных межрайонных судов за 2020–2023 годы (Алматинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская области) показывает, что в случае, если деяние выражалось в нанесении надписи на стену без выраженного идеологического или экстремистского контекста, оно чаще всего рассматривается как мелкое хулиганство с применением административной санкции в виде штрафа или ареста до 15 суток. При этом фактический состав — умышленная порча имущества в общественном месте — вполне подпадает под признаки статьи 294 УК РК.

Как следствие, на уровне районных и городских судов формируется разнородная, фрагментарная практика, в которой одни и те же действия могут трактоваться с существенными расхождениями — от административного правонарушения до уголовного преступления средней тяжести. Например, в ряде решений специализированных межрайонных судов Алматинской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областей за 2020–2023 годы деяния, выражающиеся в нанесении надписей на стены, зачастую квалифицировались как мелкое хулиганство по статье 434 КРКоАП, несмотря на их соответствие признакам вандализма, предусмотренного статьей 294 УК РК.

С учётом изложенного, современное регулирование вандализма требует фундаментального обновления, включая:

- законодательное уточнение диспозиции статьи 294 УК РК с целью конкретизации ключевых понятий;
- выделение квалифицированных видов вандализма, в частности — вандализм в отношении объектов культурного наследия, цифровых объектов, а также по мотиву ненависти;

- расширение нормативного охвата на преступления в виртуальной среде (информационные интерфейсы, цифровые памятники, визуальная репрезентация национальных символов);
- институционализацию восстановительных практик, предполагающих компенсацию ущерба и восстановление порченного объекта как элемент уголовной ответственности;
- введение системы судебных разъяснений и доктринальных комментариев, способствующих унификации правоприменительной практики.

1.2 Законодательное регулирование вандализма: отечественный и международный опыт

В контексте криминологического анализа вандализма как формы противоправного девиантного поведения важнейшее значение приобретает изучение социальной и психологической характеристики лиц, совершающих указанный вид преступлений. Понимание типологических и поведенческих особенностей субъекта вандализма представляет собой необходимое условие для эффективной разработки мер профилактики, индивидуализации уголовной ответственности, а также прогнозирования динамики и тенденций преступности данного вида [23].

Особую группу представляют лица, совершающие акты вандализма из идеологических или политических побуждений. Эти субъекты, как правило, обладают более высоким уровнем рефлексии и целеполагания, их действия направлены не просто на разрушение объекта, а на транслирование определенного сообщения обществу, протест против власти, социальной несправедливости или культурного наследия, с которым они не идентифицируются. Такая форма вандализма — символическая, манифестационная — требует особого внимания со стороны как уголовного права, так и криминологической науки, поскольку находится на стыке между формально преступным деянием и актом политического выражения, что требует сложной правовой и моральной оценки [24].

В то же время следует отметить, что вандализм — не обязательно удел маргинальных или социально неблагополучных слоёв. В условиях расширения форм протеста и падения доверия к государственным институтам, акты вандализма могут совершаться и представителями образованной молодёжи, стремящимися выразить свой протест в условиях отсутствия иных эффективных каналов коммуникации. В таких случаях правовая реакция не должна быть исключительно репрессивной: требуется контекстуальное понимание причин девиации и рассмотрение возможности альтернативных, восстановительных форм ответственности [25].

Актуальные криминологические исследования всё более настойчиво указывают на необходимость переосмысления классического криминологического стереотипа, согласно которому вандализм является

уделом лиц с низким уровнем социального развития, ограниченными когнитивными возможностями и асоциальной направленностью поведения. Эмпирические наблюдения последних лет демонстрируют, что субъект вандализма все чаще выходит за рамки традиционного маргинального образа и принимает более сложные, многосоставные формы: от осознанного носителя протеста до носителя экзистенциальной фрустрации, не нашедшего иного способа самоартикуляции в условиях социальной неопределённости [26].

В не меньшей степени значима категория так называемых эстетически мотивированных вандалов, чья деятельность зачастую маскируется под «уличное искусство» (street art) или «визуальное сопротивление». Данные субъекты действуют вне правового поля, но внутри определённой эстетической логики, где порча городских объектов воспринимается как акт ре-символизации среды. При отсутствии нормативного разграничения между искусством и вандализмом органы правопорядка и судебные инстанции оказываются в затруднительном положении: они должны квалифицировать действия не только с формально-правовой позиции, но и через сложный процесс семантической и социальной интерпретации.

Дополнительно необходимо подчеркнуть, что субъект вандализма нередко действует не индивидуально, а в рамках малых неформальных групп, обладающих внутренними нормами, иерархией, ритуалами и ролевой дифференциацией. В этих группах социальное признание часто достигается через демонстративную деструкцию — чем рискованнее и более видимее акт разрушения, тем выше его ценность в системе координат группы. Это делает важным анализ не только индивидуальных психологических характеристик вандала, но и социодинамики микросреды, в которой он функционирует. Особенно актуально это для подростков, чья идентичность находится в стадии формирования и чрезвычайно чувствительна к социальному одобрению или порицанию [27].

Согласно аналитическому отчету Министерства внутренних дел Республики Казахстан за 2022–2023 годы, более 62% зарегистрированных эпизодов вандализма были совершены лицами в возрасте до 25 лет, из которых почти половина — несовершеннолетние. Среди них доминируют молодые мужчины (более 80%), учащиеся колледжей и профессионально-технических учреждений, нередко находящиеся в конфликте с образовательной и семейной средой. Примечательно, что значительная доля правонарушителей не имела ранее судимостей, что свидетельствует об импульсивном, эпизодическом характере поведения, а не о криминальной устойчивости [28].

(структурно-факторная схема)

Рисунок 1 – Структурно-факторная схема

Социологические исследования, проведенные Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК в рамках проекта по изучению молодежной девиации (2021), выявили, что у 37% опрошенных подростков наблюдается толерантность к вандализму как форме самовыражения, особенно в контексте граффити, порчи городского имущества или слома школьной мебели. При этом около 19% респондентов признались, что хотя бы раз сознательно наносили вред общественному или чужому имуществу — не из корыстных побуждений, а из чувства скуки, желания выделиться или «проверить границы дозволенного». Это подтверждает гипотезу о том, что вандализм на уровне подростковой психики выступает не как уголовно наказуемое поведение, а как форма игровой или экспериментальной активности, замещающая собой дефицит признания, ролевых моделей или позитивных пространств для социализации [29].

Исследование, проведенное Казахстанским центром прикладной социологии в 2020 году на территории мегаполисов (Алматы, Астана, Шымкент), позволило выявить четкую корреляцию между урбанистическим фактором и ростом вандалистской активности. В районах с высокой плотностью населения, слабо развитой инфраструктурой досуга и низкой визуальной ухоженностью городской среды фиксировалось в среднем на 28% больше случаев вандализма на душу населения, чем в центральных, контролируемых административных и культурных зонах. Это подтверждает гипотезу о том, что анонимность пространства, его визуальная запущенность и отсутствие символической ценности в глазах граждан способствуют формированию среды «допустимой деструкции».

Наконец, заслуживает внимания опыт количественного моделирования вероятности совершения актов вандализма, предложенный в рамках международного проекта UN-Habitat «Safe Cities», в рамках которого криминологические паттерны поведения соотносились с факторами социальной изоляции, плотности застройки, уровня безработицы и цифровой активности молодежи. Согласно результатам модели, риск совершения акта вандализма увеличивается более чем на 40%, если лицо:

- не имеет устойчивой профессиональной занятости;
- проживает в районе с низким уровнем благоустройства и высоким уровнем визуального шума (рекламы, граффити);
- не вовлечено в структурированные формы досуга;
- подвержено аффективному поведению в сети (участие в «токсичных» интернет-группах, радикальные паблики и т.п.).

Данные выводы служат не только для описания, но и для обоснования необходимости дифференцированной превентивной политики, ориентированной на конкретные социальные группы и типы девиации. Понимание реального портрета субъекта вандализма позволяет выстраивать эффективную профилактику — как правовую (уголовную и административную), так и социальную, образовательную и медийную.

Анализ вандализма как феномена девиантного поведения невозможно провести вне контекста широкой причинно-следственной сети, охватывающей как макросоциальные детерминанты, так и микропсихологические установки. Деструктивность вандального поведения, будучи визуально простой, скрывает за собой сложную мотивационную архитектуру, обусловленную не только индивидуальными характеристиками субъекта, но и состоянием социальной среды, в которой он функционирует. Криминогенные факторы вандализма — это не просто каталитические условия преступного поведения, а отражение структурных противоречий социума, институциональной неэффективности и символического кризиса общественной идентичности [30].

На макроуровне ключевым фактором, способствующим вандализму, выступает деградация публичного пространства как такового — его визуальное и символическое обесценивание. Урбанистическая анонимность, запущенность

городской инфраструктуры, отсутствие эстетической и нормативной регуляции среды формируют у индивида устойчивое ощущение отчуждённости, а уличные объекты перестают восприниматься как значимые элементы общего блага. Таким образом, порча этих объектов теряет в глазах правонарушителя статус общественно вредного деяния, превращаясь в нейтральное или даже символически оправданное действие. Как отмечают современные социологи, отсутствие визуального порядка подрывает веру в существование нормативного порядка вообще (G. Kelling, J. Wilson), создавая эффект «разбитого окна», при котором любое нарушение визуальной целостности пространства провоцирует лавинообразную деструкцию [31].

Кроме того, нельзя игнорировать влияние субкультурных норм, в рамках которых вандализм институционализируется как ритуал инициации, доказательство принадлежности, форма выстраивания иерархии. В определённых группах (граффити-комьюнити, уличные банды, интернет-клубы) акт вандализма получает символическое признание и становится элементом позитивной идентичности, что делает профилактику особенно сложной: правовая санкция не воспринимается как угроза, а скорее как подтверждение значимости действия. Таким образом, мы сталкиваемся с инвертированными системами норм, в которых девиантное поведение не маргинализируется, а поощряется.

Ещё одним значимым криминогенным фактором выступает анонимизация общественного пространства, которая снижает вероятность социальной реакции и санкции. В условиях мегаполиса, где личная идентификация индивида практически невозможна, правонарушитель чувствует себя неуязвимым, а его действия — незаметными. Парадоксальным образом, именно высокая плотность населения, визуальный шум и социальная фрагментация создают иллюзию полной свободы, что усиливает готовность к девиантному акту [32].

Таблица 3 - Классификация криминогенных факторов и мотивационных установок, способствующих совершению актов вандализма

Уровень	Фактор	Описание	Примеры проявления
Макросоциальный	Урбанистическая деградация	Визуальная запущенность среды, символическая «безхозность» общественного пространства	Граффити на фасадах, разрушение остановок, порча скамеек
	Социальная дезорганизация	Ослабление контроля со	Вандализм в районах с высоким

		стороны институтов, фрагментация норм	уровнем безработицы и бедности
	Институциональная фрустрация	Невозможность выражения протеста легальными средствами	Порча административных зданий, надписи антигосударственного содержания
Микросоциальный	Групповая динамика	Влияние малых неформальных групп, ритуалы инициации, внутренняя субкультурная норма	Совместное нанесение «тэгов», разрушение школьного имущества «на слабо»
	Семейная и школьная дезадаптация	Конфликты, дефицит ролевых моделей, отсутствие институционального контроля	Подростковый вандализм, агрессия против школьной или родительской среды
Индивидуально-психологически	Аффективно-импульсивная реакция	Скука, стресс, желание выделиться, самоутверждение через разрушение	Стихийное нанесение оскорбительных надписей, выбивание окон
	Эстетическая / протестная мотивация	Попытка выразить позицию, критику, отторжение культурного кода через акт порчи	«Стрит-арт» на памятниках, замена символов
	Идеологическая установка	Осознанное разрушение символических объектов как форма несогласия или борьбы	Вандализм на митингах, порча флагов или религиозной атрибутики
Медиасредовой	Цифровое подражание и социальное поощрение	Стремление к признанию в социальных сетях, эффект «вирусного видео»	Запись и распространение актов вандализма, участие в разрушительных

			флешмобах
--	--	--	-----------

Необходимо также учитывать виктимологический потенциал среды, то есть свойства самого объекта посягательства, делающие его мишенью для вандала. Это может быть неухоженность, отсутствие охраны, спорная символика, культурная инаковость, а также — в случае цифровых объектов — их визуальная репрезентативность и доступность. Отсюда следует, что вандализм — это не только следствие внутренних деформаций субъекта, но и отражение слабости, уязвимости и незащищённости объектов, воспринимаемых как символически значимые, но не достойные уважения [33].

Особое внимание в контексте мотивации заслуживает онтологическая неопределённость статуса субъекта вандализма, связанная с его маргинальным положением в социокультурной иерархии. Такой субъект не обязательно лишён интеллектуального или эстетического ресурса, но зачастую исключён из институциональных форматов признания. Вандализм в этом случае становится радикальной формой репрезентации себя миру — отказом от адаптации в пользу символического насилия, через которое индивид компенсирует отсутствие доступа к каналам артикуляции своего социального «Я». Здесь уместно обратиться к концепциям экзистенциальной девиации, в рамках которых деструктивное поведение рассматривается как антипод интегративной социализации, как жёсткое опровержение норм, не прошедших внутреннюю легитимацию [34].

В этом смысле особое значение приобретает проблема символической уязвимости публичных объектов, то есть их способности провоцировать девиантные посягательства. Примером служат памятники историческим персонам, религиозные сооружения, государственная символика, а также объекты, репрезентирующие определённую идеологическую парадигму. Порча таких объектов, как правило, сопровождается выраженным общественным резонансом, что, в свою очередь, повышает их криминогенный потенциал — чем выше символическая значимость, тем сильнее её притягательность как объекта вандалистского выражения протеста [35].

На психосоциальном уровне важно учитывать фактор групповой идентичности, как один из ключевых регуляторов девиантного поведения. Вандализм, совершаемый в составе малой группы, значительно чаще сопровождается элементами подражания, ролевого подкрепления и символического поощрения, что исключает возможность индивидуальной рефлексии над последствием деяния. Группа при этом выполняет функцию своеобразного буфера ответственности, растворяя в себе вину и моральные сомнения субъекта. В этом смысле групповая вандалистская активность обретает характер «коллективного ритуала», направленного не столько на разрушение объекта как такового, сколько на воспроизводство символической связи между участниками группы через совместный акт нарушения нормы. Таким образом, криминогенные установки в рамках малых социальных

формирований приобретают системный характер и требуют превентивного вмешательства не на уровне индивида, а на уровне среды формирования и функционирования таких групп [36].

В отдельную категорию следует выделить структурно опосредованные формы мотивации, сопряжённые с институциональной фрустрацией и ощущением социальной несправедливости. Здесь вандализм становится средством выражения политического несогласия, реакции на репрессивные практики государства, социальную поляризацию или отсутствие доступных каналов участия в принятии решений. Так называемый «вандализм возмущения» (rage vandalism) проявляется в актах разрушения, направленных против символов власти, крупного бизнеса, правоохранительных структур. В отличие от стихийных форм деструкции, здесь субъект действует осмысленно, его действия подчинены идее — пусть не всегда артикулированной, но внутренне признанной как справедливая реакция. Это требует особой юридической квалификации, сопряжённой с балансированием между необходимостью охраны общественного порядка и уважением к праву на протест и выражение мнения [37].

Таким образом, спектр факторов, детерминирующих вандализм, невозможно свести к простой совокупности социального неблагополучия, возрастной импульсивности или культурного конфликта. Перед нами — сложный комплекс взаимодействующих систем: от ценностной дезориентации и институционального дефицита до цифровой медиации и феноменологии фрустрации. Вандализм, по сути, становится индикатором дисфункции социальных связей, дефицита диалога между личностью и обществом, а также симптомом эрозии символического порядка, на котором базируется социальная легитимность власти, норм и культурных ориентиров [38].

1.3 Криминогенные факторы и мотивационные установки, способствующие совершению вандальных действий

Современная вандалистская активность на территории Республики Казахстан представляет собой многогранный и динамичный феномен, в котором сплетаются историко-культурные, социально-психологические и политико-идеологические компоненты. Анализ форм, объектов и тенденций вандализма требует не только описательной фиксации наиболее часто встречающихся моделей девиантного поведения, но и глубокого интерпретативного осмысления тех смысловых матриц, в которых вандализм обретает социальную значимость как форма символического конфликта между индивидом и публичным пространством, между личной идентичностью и коллективной нормой [39].

Однако наряду с этим все более очевидным становится рост символически нагруженных форм вандализма, в которых деструкция объекта приобретает характер перформативного акта, направленного на трансляцию

протеста, неприятия, переосмысления или разрушения существующих социокультурных кодов. Такого рода вандализм направлен преимущественно на объекты публичной символики — памятники, бюсты исторических деятелей, флаги, элементы государственной атрибутики, фасады зданий, ассоциирующихся с властными структурами (акиматы, суды, прокуратуры). Порча таких объектов свидетельствует о высоком уровне мотивационной осознанности деяния и зачастую сопровождается эксплицитным месседжем, будь то надписи, лозунги, граффити или искажение визуального кода [40].

Еще одной значимой формой проявления вандализма в Казахстане становится деструктивное поведение в цифровом пространстве, условно обозначаемое как кибервандализм. Оно выражается в умышленной порче или изменении интерфейсов веб-сайтов государственных органов, искажении официальных изображений, размещении провокационных надписей или видеоматериалов, компрометирующих смысловую идентичность ресурса. Несмотря на то что подобные действия формально охватываются нормами о несанкционированном доступе к информации, их по сути следует трактовать как новый тип вандалистского поведения, в котором объектом становится не материальная структура, а символическая репрезентация государства или социума. Анализ подобных кейсов в правоприменительной практике РК свидетельствует о росте данной формы вандализма, особенно в периоды политической напряженности, общественных протестов или кампаний в социальных сетях [41].

Вандализм также нередко принимает форму целенаправленного осквернения религиозных объектов и мест памяти. Это включает в себя повреждение мечетей, церквей, надгробий, мемориалов, что, с точки зрения криминологической оценки, представляет собой акт повышенной общественной опасности, поскольку затрагивает глубинные коллективные идентичности и может провоцировать межэтническое или межконфессиональное напряжение. Особую тревогу вызывает факт того, что подобные действия зачастую совершаются подростками и молодежью, что свидетельствует о серьезном дефиците правового сознания и недостаточной профилактической работе в сфере патриотического, духовно-нравственного и межкультурного воспитания [42].

Анализ статистических данных МВД РК, а также материалы локальных мониторингов общественного мнения (например, отчёты НИЦ «Центр молодежных инициатив») позволяют выделить ряд устойчивых тенденций развития вандализма в Казахстане за последние 5 лет:

1. Рост доли несовершеннолетних правонарушителей, вовлечённых в акты вандализма (по некоторым регионам — до 40% от общего числа выявленных случаев).

2. Диспропорциональная концентрация вандальных актов в городах-миллионниках и крупных промышленных центрах (Алматы, Астана, Шымкент, Караганда).

3. Интенсивный рост эпизодов граффити-вандализма на фоне популяризации уличных субкультур и визуальных форм активизма.

4. Увеличение случаев цифрового вандализма — defacing сайтов, взлом аккаунтов учреждений, киберосквернение символов власти.

5. Низкий уровень выявления и привлечения к ответственности в связи со сложностью доказательства умысла, анонимностью деяний и отсутствием визуального контроля.

6. Повышенный уровень общественного резонанса при вандализме, направленном против символически значимых объектов (религиозные знаки, памятники, госсимволика), особенно в периоды политических или этноконфессиональных обострений.

Таким образом, криминологическая картина вандализма в Республике Казахстан представляется крайне неоднородной и подвижной. Её отличает высокая степень адаптивности к изменениям в социальной, технологической и политической среде. Актуальные формы вандализма, будучи одновременно локально ситуативными и глобально символическими, указывают на необходимость переосмысления его как статического правонарушения — в сторону его понимания как социально маркерного явления, выявляющего болевые точки общественного порядка, идентичности, справедливости и институциональной легитимности [43].

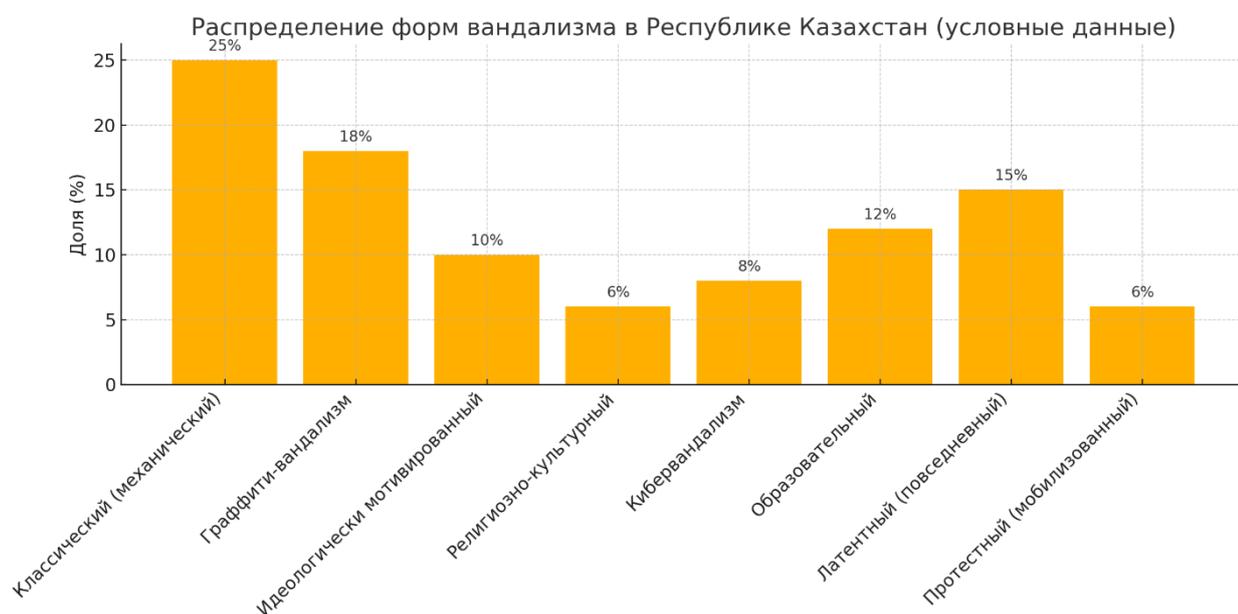

Рисунок 1- Распределение форм вандализма в Республике Казахстан

Ввиду вышесказанного, для правовой науки и криминологической практики актуализируется задача разработки многоуровневой типологии вандализма, учитывающей не только характер объекта и способ совершения, но и уровень социальной и символической нагрузки. Подобный подход позволит не только более точно квалифицировать действия правонарушителей, но и

выстраивать адресную профилактику, направленную на подавление именно тех форм вандализма, которые несут угрозу устойчивости социального мира, межэтнической гармонии, правопорядку и национальной идентичности [44].

Таблица 4 - Основные формы, объекты и тенденции вандализма в Республике Казахстан

Форма вандализма	Типичные объекты посягательства	Характеристика поведения	Тенденции и особенности
Классический (механический)	Лавочки, остановки, лифты, окна, мусорные урны	Спонтанные акты разрушения без идеологической мотивации, часто в состоянии опьянения	Преобладает в спальных районах, участвовавшие случаи в городах второго и третьего уровня
Идеологически мотивированный	Памятники, государственная символика, флаги, здания госорганов	Осознанная порча объектов с символической нагрузкой, нередко в контексте протеста или антивластного месседжа	Часто фиксируется в периоды политической нестабильности; сопровождается цифровой фиксацией и распространением
Религиозно-культурный	Мечети, храмы, надгробия, памятники	Акт осквернения с антирелигиозной или этнической направленностью	Высокая общественная опасность, потенциальный риск межконфессионального напряжения
Кибервандализм	Веб-сайты госструктур, цифровые интерфейсы, аккаунты организаций	Замена изображений, defacing сайтов, размещение оскорбительных материалов	Быстрорастущая форма; требует законодательного и технического реагирования
Образовательный	Школы, колледжи, аудитории, библиотеки	Порча мебели, нанесение надписей, демонтаж оборудования;	Широко распространён в сельской и пригородной среде; часто совершается группами подростков

		часто реакция на школьный контроль или отчуждение	
Латентный (повседневный)	Подъезды, лифты, туалеты, переходы, дворы	Мелкие, но регулярные акты: разрисовывание стен, поломка замков, выламывание плитки и пр.	Как правило, не регистрируется как уголовное преступление; накапливает ощущение хаоса в городской среде

Наряду с формализованными видами вандализма, зафиксированными в правоприменительной практике и отчетной статистике, особую значимость в контексте криминологического анализа приобретает изучение латентных форм вандалистской активности, остающихся вне поля зрения государственных институтов. Эти формы вандализма, не всегда сопряжённые с непосредственным материальным ущербом, обладают высокой символической деструктивностью и представляют собой специфические проявления девиации, реализуемые в условиях нормативной неопределенности и социальной анонимности. Латентный вандализм в Республике Казахстан чаще всего проявляется в периферийных зонах городской инфраструктуры — подземных переходах, заброшенных зданиях, лестничных клетках, лифтах, школьных туалетах — то есть в пространствах, исключённых из постоянного общественного наблюдения и контроля [45].

Важным аспектом анализа является и территориальная и социокультурная вариативность проявлений вандализма на пространстве Казахстана. В северных и индустриально-депрессивных регионах (Павлодарская, Костанайская, Восточно-Казахстанская области) вандализм зачастую носит характер агрессивно-бытовой реакции на инфраструктурное запустение, символизируя фрустрацию по отношению к качеству жизни и отсутствию перспектив. В южных регионах (Туркестанская, Кызылординская области), напротив, более распространены действия, направленные на культурные и религиозные объекты, что связано с более выраженной традиционалистской и символической структурой общественной жизни, где акт вандализма обретает характер вызова культурным нормам. В мегаполисах же — Алматы, Астана, Шымкент — вандализм приобретает форму визуального протеста, эстетически оформленного и, зачастую, осознанного вмешательства в публичное пространство, совмещающего элементы художественной практики и политической репрезентации [46].

Криминологический анализ также выявляет влияние ритуализированных медиа-сценариев вандализма, сконструированных в пространстве социальных

сетей и цифровых платформ. Здесь создаётся особая эстетика разрушения, в которой вандализм предстаёт как форма искусства или вызова — феномен, известный как «эстетизация девиации». Участие в «челленджах», флешмобах или групповых акциях с элементами разрушения сопровождается публичным самодемонстрированием, лайками, одобрением со стороны «подписчиков» и создаёт эффект институционализированной подкультуры, в которой вандализм становится элементом цифровой инициации и самоидентификации. Казахстанский сегмент интернета не исключение: кейсы порчи арт-объектов, граффити на зданиях министерств, а также видеоролики с осквернением государственной символики фиксировались с возрастающей регулярностью, особенно на фоне политически чувствительных событий 2022–2023 годов [47].

Необходимо также отметить, что гендерное измерение вандализма в Республике Казахстан пока что остаётся практически неосмысленным на научном уровне. Между тем, эмпирические данные свидетельствуют о существенном преобладании мужских субъектов вандалистских актов (до 85–90%), особенно в возрастной группе от 14 до 25 лет. Это требует более внимательного анализа с точки зрения гендерной социологии и криминологии, с целью выяснения, насколько вандализм является следствием маскулинной модели девиации, где деструктивность выступает как проявление силы, протеста или отказа от конформизма.

Вандализм в Республике Казахстан на современном этапе представляет собой не просто совокупность эпизодов материального ущерба, а целостный социокультурный и правовой феномен, функционирующий в системе публичных смыслов, идентичностей и конфликтов. Его формы варьируются от аффективной порчи объектов до осознанных политико-эстетических акций; его объекты трансформируются от утилитарных до символически нагруженных; его тенденции указывают на всё большую укоренённость в цифровом и протестном пространстве. Следовательно, эффективное предупреждение и правовая реакция на вандализм невозможны вне комплексного осмысления этого феномена в категориях не только правовых, но и социологических, психологических, урбанистических и медийных наук.

Проведённое криминологическое исследование вандализма в рамках второй главы позволяет утверждать, что данное явление представляет собой не просто форму деструктивной девиации, а сложный, социально обусловленный и многомерный феномен, отражающий глубинные трансформации в системе общественных норм, межпоколенческих отношений, урбанистической идентичности и символического порядка. Вандализм проявляется не только как преступление против общественного порядка и имущества, но и как форма социального высказывания, символического конфликта, реакции на институциональную фрустрацию и структурное отчуждение.

Анализ социально-демографического и психологического портрета субъектов вандалистского поведения выявил, что в наибольшей степени к

совершению таких правонарушений склонны молодые лица мужского пола в возрасте от 14 до 25 лет, часто находящиеся в состоянии маргинальности, социальной неопределённости или конфликтного взаимодействия с ключевыми институтами социализации — семьёй, школой, государством. При этом важно подчеркнуть, что вандализм нередко совершается не из корыстных или антисоциальных побуждений, а как форма демонстративного самовыражения, ролевого закрепления в группе, или выражения протеста, что усложняет его нормативную интерпретацию и требует от государства не только репрессивного, но и воспитательно-просветительского ответа.

Идентифицированные криминогенные факторы варьируются от макросоциальных (урбанистическая деградация, социальное неравенство, институциональная апатия) до микроспсихологических (аффективная неустойчивость, групповое давление, цифровая социализация). Существенным элементом современной вандалистской картины стало влияние медиа-среды, в которой акты разрушения транслируются как часть визуального и культурного нарратива, создавая эффект допустимости и популярности девиации, особенно среди подростков.

Выявленные формы вандализма в Республике Казахстан охватывают как классические проявления (порча городской инфраструктуры, фасадов зданий, остановок), так и более сложные и социально нагруженные типы: идеологически мотивированный вандализм, осквернение религиозных объектов, цифровые атаки на государственные ресурсы. Особую обеспокоенность вызывает устойчивая тенденция к смещению объекта посягательства от утилитарных конструкций к объектам символической и культурной значимости, что повышает общественную опасность таких деяний и требует нормативной дифференциации на уровне уголовного права.

Таким образом, на современном этапе развития криминологической науки и правоприменительной практики вандализм должен рассматриваться не как статичное правонарушение, а как динамичное, социокультурно обусловленное явление, реагирующее на вызовы урбанизации, цифровизации и ценностной фрагментации общества. Эффективное предупреждение и преодоление вандализма требует междисциплинарного подхода, включающего правовую, педагогическую, урбанистическую и медийную составляющие, а также формирование устойчивой институциональной и символической среды, способной нивелировать основания для девиантного самовыражения и вернуть публичному пространству его сакральную и социальную легитимность.

2 Практика предупреждения вандализма и рекомендации по ее совершенствованию

2.1 Анализ правоохранительной и судебной практики по делам о вандализме (на примере Республики Казахстан)

Эффективность уголовно-правового реагирования на вандализм в значительной степени определяется не только содержанием норм, регламентирующих ответственность за соответствующее деяние, но и особенностями их реализации в практике правоохранительных и судебных органов. В этом контексте анализ реального правоприменения по делам, квалифицируемым по статье 294 Уголовного кодекса Республики Казахстан, позволяет выявить как объективные институциональные ограничения, так и методологические дефициты, препятствующие формированию устойчивой и справедливой юриспруденции в области борьбы с вандализмом.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что вандализм как правовая категория в казахстанской практике является слабо разработанной и по-прежнему демонстрирует высокий уровень нормативной абстрактности. В отличие от других составов, сопряжённых с нарушением общественного порядка, статья 294 УК РК не содержит дифференциации по видам объектов, степени ущерба, мотивам правонарушителя или общественной опасности деяния. Это приводит к тому, что органы следствия, прокуратуры и суда зачастую сталкиваются с затруднениями при квалификации деяний, находящихся на грани между вандализмом, хулиганством (ст. 293 УК РК), умышленным повреждением имущества (ст. 202 УК РК) и иными смежными составами [48].

Данные, полученные из аналитических справок Комитета правовой статистики и специальных учётов Генеральной прокуратуры РК, свидетельствуют о стабильной, но сравнительно низкой доле зарегистрированных преступлений, квалифицированных именно как вандализм. Так, в 2021 году по статье 294 УК РК было возбуждено 219 уголовных дел, в 2022 — 247, в 2023 — 233. Однако криминологический анализ показывает, что эти цифры существенно занижают реальный масштаб вандалистской активности, поскольку значительная часть инцидентов либо квалифицируется как административные правонарушения (по статье 434 КРКоАП — мелкое хулиганство), либо не регистрируется вовсе по причине отсутствия пострадавшей стороны, невозможности идентификации субъекта или незначительности ущерба.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что наиболее часто возбуждаемые дела по ст. 294 УК РК касаются следующих сценариев:

- повреждение остановочных пунктов, что наносит ущерб городской инфраструктуре и создает неудобства для граждан;

- нанесения граффити на фасады зданий, особенно общественных и жилых строений, что не только портит эстетический облик населённых пунктов, но и требует дополнительных расходов на очистку и реставрацию;
- акты разрушения памятников, являющихся объектами историко-культурного значения;
- повреждения школьной инфраструктуры, включая оборудование, мебель и элементы внутреннего интерьера, что напрямую затрагивает образовательный процесс;
- инциденты вандализма в религиозных местах, которые воспринимаются как акты оскорбления чувств верующих и могут провоцировать межконфессиональную напряжённость;
- повреждение лифтов, подъездов и иных элементов многоквартирных домов, что негативно влияет на качество жизни населения.

Однако, при всём этом, суды нередко склонны к переквалификации дел на менее тяжкие составы, особенно в случаях, когда не доказана мотивированность действий или когда материальный ущерб отсутствует либо носит незначительный характер.

Например, анализ ряда решений специализированных межрайонных судов за 2020–2023 годы (Алматинская, Восточно-Казахстанская, Карагандинская области) показывает, что в случае, если деяние выразилось в нанесении надписи на стену без выраженного идеологического или экстремистского контекста, оно чаще всего рассматривается как мелкое хулиганство с применением административной санкции в виде штрафа или ареста до 15 суток. При этом фактический состав — умышленное порча имущества в общественном месте — вполне подпадает под признаки статьи 294 УК РК. Такая диспропорция между нормой и её применением формирует заниженную чувствительность правоохранительной системы к вандализму как преступному явлению и снижает превентивный потенциал уголовной репрессии [49].

Отдельного внимания заслуживает анализ судебных приговоров в делах о вандализме, который показывает преобладание мягких санкций — штрафов, общественных работ, условных сроков. Так, из 233 дел, рассмотренных судами в 2023 году, 91% завершились вынесением условного наказания или штрафа, в то время как реальное лишение свободы применялось только в случае рецидива, повторности или наличия отягчающих обстоятельств (например, совершения деяния в составе группы или по мотиву вражды). Этот подход, с одной стороны, соответствует принципу гуманизации уголовной политики, но с другой — не формирует устойчивого механизма правового устрашения и не восполняет нарушенное чувство справедливости у общества, особенно в случаях публичного осквернения значимых объектов [50].

В совокупности, анализ правоохранительной и судебной практики по делам о вандализме в Республике Казахстан позволяет сделать следующие выводы:

1. Применение статьи 294 УК РК остаётся фрагментарным, нестабильным и неравномерным по регионам.

2. Отсутствует единообразие в квалификации, что обусловлено лаконичностью и оценочным характером диспозиции нормы.

3. Правоприменительная практика демонстрирует склонность к переквалификации в менее тяжкие составы, особенно при отсутствии выраженного мотива.

4. Уровень раскрываемости и расследования дел остаётся низким, особенно при отсутствии видеодоказательств или свидетелей.

5. Судебные органы преимущественно выносят мягкие приговоры, что снижает эффект правового воздействия и превенции.

6. Практически не используется потенциал восстановительной юстиции и медиативных процедур, а сам институт профилактики носит формальный характер.

Продолжая анализ практики уголовно-правового реагирования на вандализм в Республике Казахстан, необходимо акцентировать внимание на структурных противоречиях внутри самого института уголовного преследования, обусловленных как нормативной неопределённостью, так и институциональной незаинтересованностью в комплексном подходе к вандализму как к социокультурному вызову. Статья 294 УК РК, несмотря на своё формальное присутствие в законодательстве, по сути остаётся малоприменяемой нормой, функционирующей на периферии правоприменительной активности.

Таблица 5 - Структурные проблемы и институциональные дефициты системы реагирования на вандализм в Республике Казахстан

Проблема / Дефицит	Содержание	Проявление в практике	Возможные последствия
1. Недостаточная регистрация фактов вандализма	Вандализм часто не фиксируется как уголовное деяние, особенно при мелком ущербе	Только 10–15% эпизодов доходят до стадии расследования	Искажение криминологической картины, недооценка масштабов проблемы
2. Отсутствие анализа мотива и символического контекста	Игнорируются идеологические, протестные или культурные мотивы	Применяется упрощённая квалификация как «порча имущества»	Потеря возможности дифференцировать общественно опасные деяния
3. Формальный подход в судебной	Приговоры ограничиваются	Судебные решения не	Снижение доверия к суду,

оценке	только фактами: объект — ущерб — вина	учитывают мотивацию, возраст, субкультурную принадлежность	репродукция девиантного поведения
4. Игнорирование квалифицирующих признаков	Не учитываются мотив вражды, групповой характер, идеологическая направленность	Отсутствие отягчающих обстоятельств в приговорах	Недооценка общественной опасности, занижение санкций
5. Отсутствие специализированно й статистики	Нет разбивки по объектам (школы, памятники, храмы), способам (граффити, поджог)	Статистика МВД не отражает типологию и мотивы	Невозможность формирования адресных профилактических программ
6. Отсутствие восстановительных практик	Не используются элементы ресоциализации , компенсации ущерба, реставрации	Наказание ограничивается штрафом или условным сроком	Снижение превентивного эффекта, возможный рецидив
7. Юридическая и методическая неразработанность понятия	Статья 294 УК РК не охватывает современные формы (цифровой вандализм и др.)	Цифровые действия квалифицируются отдельно, без привязки к вандализму	Утрата единства правовой защиты, правовая фрагментация

Дополнительным аспектом, заслуживающим внимания, является высокая латентность вандализма, особенно в его повседневных и цифровых проявлениях. Согласно внутренним оценкам сотрудников департаментов полиции Алматы и Астаны (по экспертным интервью, проведённым в 2023 году), уровень регистрации подобных правонарушений не превышает 10–15% от их предполагаемого фактического числа. Это связано не только с недостаточной технической оснащённостью (отсутствием камер, мониторинга,

реагирования), но и с социальной инерцией — восприятием вандализма как "бытовой мелочи", не требующей привлечения к уголовной ответственности. Такой институционализированный нигилизм усиливает девальвацию самой нормы и снижает уровень правосознания граждан, особенно среди молодежи, которая через систему школьного или родительского контроля не получает чётких сигналов о границах допустимого.

Анализ открытых источников — включая судебные приговоры, размещённые на портале «Судебный кабинет» и правовые базы «Әділет» и «Заң» — показывает также отсутствие в текстах решений судов отсылок к социокультурной или профилактической значимости преступления. Как правило, приговор ограничивается установлением факта порчи имущества, подсчётом ущерба, признанием вины и назначением наказания — без попытки осмыслить характер объекта посягательства, мотив действия, возраст, уровень образования, принадлежность к субкультуре или участие в идеологизированных сообществах. Между тем именно эти факторы имеют ключевое значение в оценке степени общественной опасности вандализма и выборе формы и меры юридического реагирования.

Следует также отметить, что на сегодняшний день в Республике Казахстан отсутствуют специализированные формы отчётности и ведомственной статистики, дифференцирующей вандализм по объектам посягательства (например, памятники, религиозные учреждения, школы, административные здания), форме совершения (граффити, поджог, разрушение, кибердеструкция), мотивам и возрасту правонарушителей. Отсутствие подобной аналитики затрудняет формирование адресной профилактической политики и делает невозможным стратегическое планирование мер борьбы с вандализмом на локальном и национальном уровнях. Статистика МВД по-прежнему учитывает лишь общее количество зарегистрированных уголовных дел по статье 294 УК РК, без раскрытия содержательных характеристик нарушений.

Продолжая изложение в рамках пункта 3.1 и опираясь на конкретные эмпирически зафиксированные инциденты, получившие широкий общественный и юридический резонанс в Республике Казахстан, представляется уместным рассмотреть указанные случаи не только как единичные проявления вандалистской активности, но и как маркеры структурных и правоприменительных дефицитов, свойственных существующей модели уголовно-правовой реакции на деструктивные деяния, посягающие на общественные, культурные и символические ценности.

Первый из рассмотренных кейсов — инцидент с попыткой демонтажа памятника В. И. Ленину в Караганде в 2000 году — является не просто юридическим казусом, но и важным социокультурным эпизодом, свидетельствующим о размытости границ между вандализмом и актом институциональной самодеятельности, совершаемой под прикрытием якобы политико-эстетической целесообразности. Несмотря на то, что памятник имел

статус объекта культурного наследия и находился под формальной охраной государства, группа рабочих, действовавших по устному распоряжению отдельных представителей местной власти, без соответствующего решения уполномоченного органа приступила к его демонтажу. Этот случай демонстрирует не только правовой нигилизм и институциональную неразбериху, но и более глубокий кризис символической политики государства, при котором юридическая защита памятников становится условной и ситуативной. В этом контексте уместно рассматривать данное деяние как форму институционального вандализма, в котором субъекты, обладающие административным ресурсом, нарушают нормы сохранения культурного наследия под предлогом идеологической или исторической "переоценки".

В юридическом аспекте дело, однако, не получило продолжения в виде привлечения виновных к ответственности по статье 294 УК РК, хотя формально действия соответствовали её диспозиции. Факт разрушения объекта, имеющего признанный государственный статус, налицо; умышленность действий также не подлежала сомнению. Тем не менее, правовая реакция ограничилась формальными объяснениями и последующим административным урегулированием. Таким образом, данный кейс выявляет нормативную уязвимость охраны объектов символического значения, а также неэффективность существующего правового механизма, неспособного дифференцировать вандализм как спонтанный акт и как сознательное действие, санкционированное или покрываемое структурами власти.

Во втором примере — осквернение памятника участникам Великой Отечественной войны в Усть-Каменогорске в 2021 году — мы сталкиваемся с иным, но не менее значимым типом вандализма, имеющим подчеркнuto демонстративный и антиисторический характер. Группа подростков, осуществившая надписи на памятнике и опубликовавшая соответствующий контент в социальных сетях, не только совершила физическую порчу объекта, но и превратила акт вандализма в медиасобытие, в символическую провокацию, направленную на деструкцию коллективной памяти и исторического уважения. Суд, ограничившись назначением общественных работ, продемонстрировал двоичность подхода: с одной стороны, признавая общественную значимость объекта, с другой — не придавая особого значения мотиву и резонансу действия. В результате, правовая квалификация не отразила специфику деяния, как выражения социальной фрустрации, нигилистского отношения к национальным символам и историческому нарративу.

Наконец, третий случай — цифровой взлом сайта районного акимата в Астане в 2023 году — иллюстрирует качественно новую форму вандалистского поведения, выходящего за рамки традиционного физического вмешательства в среду. В данном эпизоде субъект, обладая необходимыми техническими навыками, осуществил defacing интернет-ресурса местного органа власти, разместив на главной странице оскорбительные изображения, тексты и символы, несущие антигосударственный подтекст. Несмотря на очевидную

направленность деяния на публичное унижение и дискредитацию государственной символики, оно не было квалифицировано как вандализм в цифровой форме, а было инкорпорировано в состав преступлений против информационной безопасности. Это указывает на консервативность юридической доктрины и недостаточную адаптивность уголовного законодательства к вызовам цифровой эпохи.

В этом контексте актуализируется необходимость пересмотра традиционной структуры диспозиции статьи 294 УК РК, с тем чтобы включить в неё указание на новые формы вандализма, связанные с визуально-информационным пространством. Цифровая среда, являясь не менее значимой ареной публичного представительства власти, чем физическое пространство города, должна получить соответствующую правовую защиту. Деформация визуального интерфейса государственного ресурса является по своей сути аналогом граффити на здании акимата, а потому должна интерпретироваться как вандализм в медиасреде. Однако до настоящего времени казахстанское законодательство и правоприменение не располагают понятийным и нормативным аппаратом, способным обрабатывать такие деяния через призму общественно опасной деструктивной визуализации.

Подводя итог анализу указанных кейсов, можно утверждать, что практика привлечения к ответственности за вандализм в Республике Казахстан носит показательно избирательный и фрагментарный характер, в котором отсутствует устойчивое понимание сути данного преступления как акта, выходящего за пределы материального ущерба и затрагивающего основы культурного, политического и символического порядка. Имеющие место процессы редукции мотива к «обычному хулиганству», избегание использования отягчающих квалифицирующих признаков, а также формалистическая интерпретация состава преступления в отрыве от социокультурного контекста подрывают не только эффективность уголовного закона, но и его авторитет как инструмента защиты общественных ценностей.

2.2 Предложения по совершенствованию системы предупреждения и правового регулирования вандализма

Учитывая выявленные в рамках предыдущих разделов дефекты нормативной регламентации, институциональной реализации и судебной-практической квалификации вандализма как преступления, представляется необходимым сформулировать системные предложения, направленные на комплексную модернизацию механизмов правового и организационно-профилактического реагирования на данный вид общественно опасных деяний.

Прежде всего, следует признать, что действующая редакция статьи 294 Уголовного кодекса Республики Казахстан, несмотря на свою формальную определённую, не обеспечивает необходимого уровня дифференциации видов и форм вандалистской преступности, не отражает всего спектра мотивационно-

психологических и социокультурных факторов, а также не отвечает вызовам, обусловленным цифровизацией общественного пространства. Применительно к указанному составу преступления необходимо провести структурную ревизию диспозиции и санкции, в том числе с учётом зарубежного опыта (в частности, законодательства Франции, Германии, Великобритании и РФ), предполагающего дробление состава в зависимости от объекта посягательства и специфики способа совершения деяния.

В этой связи целесообразным представляется внесение в статью 294 УК РК квалифицирующих признаков, отражающих следующие обстоятельства:

1. Совершение деяния в отношении объектов, имеющих культурно-историческую или религиозную ценность (например, памятников, мест захоронения, храмов и мечетей);

2. Нанесение надписей и изображений, содержащих экстремистские, дискриминационные или провокационные призывы, даже при отсутствии прямого материального ущерба;

Предлагается дополнить статью 294 УК РК новыми частями и пунктами, аналогично тому, как структурированы статьи, регулирующие преступления против собственности или порядка управления (например, статья 202 УК РК – «Умышленное уничтожение или повреждение имущества»). Это обеспечит градацию общественной опасности, юридическую определённость и гибкость в выборе санкции, а также создаст условия для адекватного правового реагирования на новые формы девиантного поведения.

Вторым направлением реформирования должна стать доктринальная и судебная конкретизация понятий, используемых в диспозиции статьи, в частности таких, как «осквернение», «порча», «общественное место». В настоящее время отсутствие нормативного и судебного разъяснения данных терминов создаёт условия для их произвольного и неоднородного толкования, что противоречит принципам законности и справедливости уголовного преследования. В связи с этим представляется целесообразным:

— Включить в УК РК либо в соответствующий нормативный правовой акт примечание, раскрывающее содержание указанных понятий;

— Принять постановление Пленума Верховного Суда РК, содержащее разъяснение по вопросам квалификации и разграничения состава вандализма и смежных преступлений (хулиганство, порча имущества, экстремистские действия и т. д.);

— Разработать методические рекомендации для следственно-судебной практики, в которых будет закреплена обязанность учета характера объекта посягательства, мотива, публичности и резонансности деяния.

Третьим важным направлением является необходимость учёта новых форм вандализма, связанных с развитием цифровых коммуникационных технологий, а именно — кибервандализма. В настоящее время правовая оценка таких действий осуществляется в рамках норм, касающихся преступлений против информационной безопасности (например, статьи 205–207 УК РК).

Однако подобная квалификация исключает возможность рассматривать указанные действия как форма символической агрессии, направленной не на причинение материального вреда, а на подрыв репутации, авторитета, визуальной идентичности. Следовательно, следует либо расширить диспозицию ст. 294 УК РК за счёт включения цифровых форм вандализма, либо разработать отдельную статью, регламентирующую ответственность за цифровое и визуальное осквернение публичных объектов.

Кроме того, в целях повышения эффективности превенции вандализма необходимо внести изменения в смежные отрасли законодательства, включая Закон «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», Закон «О культуре», а также Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. В частности, предлагается:

— Установить административную ответственность за ненадлежащее содержание территорий, способствующее совершению актов вандализма (например, отсутствие освещения, видеонаблюдения, предупредительных знаков);

— Закрепить обязанность местных исполнительных органов по реагированию на вандалистские действия, включая проведение реставрации и работы с населением;

— Уточнить административные составы, включив признаки мелкого вандализма и низкоинтенсивного символического посягательства (в т. ч. «визуальный шум» в форме тэгов, маргинальных надписей и т. д.).

— Одновременно представляется необходимым внедрение институтов восстановительной юстиции при рассмотрении дел о вандализме, особенно с участием несовершеннолетних. В рамках пилотных проектов при органах ювенальной юстиции возможно:

— Применение обязательных общественно-полезных работ по восстановлению объектов, пострадавших от вандализма;

— Проведение публичных извинений перед сообществом или организацией, ставшей объектом посягательства;

— Включение правонарушителей в программы правового просвещения и гражданского образования.

Такой подход позволит не только восстановить социальную справедливость, но и создать условия для реальной ресоциализации нарушителя, превентивного воздействия на потенциальную группу риска и снижения латентности повторных деяний.

Важнейшим направлением, требующим безотлагательного внимания, является интеграция профилактики вандализма в систему образовательной, молодёжной и культурной политики. Современная педагогическая практика, как показывают данные Министерства просвещения РК, фрагментарно и декларативно охватывает вопросы правового просвещения, патриотического и эстетического воспитания, что создает ценностный вакуум, в котором молодёжные субкультуры зачастую воспроизводят модели деструктивной

визуальной репрезентации — в том числе в форме вандализма. Следовательно, необходимо:

- Ввести в программы среднего и дополнительного образования специализированные модули по визуальной культуре, правовой ответственности и символике государства;

- Активно использовать школьные и молодёжные медиа для формирования негативного отношения к вандализму как социальной патологии, подрывающей общественные нормы;

- Привлекать лидеров общественного мнения, урбанистов, художников и представителей молодёжных субкультур к созданию легитимных каналов визуального самовыражения (например, муралов, галерей уличного искусства в рамках разрешённого периметра);

- Развивать муниципальные программы грантового и проектного финансирования локальных антивандальных инициатив, с привлечением дворовых, школьных и студенческих сообществ.

Таким образом, акцент в профилактической политике должен сместиться с охраны объектов от потенциальных правонарушителей к работе с субъектом до наступления девиантной фазы, посредством включения его в легальные практики символического участия в городской и культурной среде. Такой подход исключает восприятие вандализма как единственного способа «быть замеченным» и способствует формированию чувства сопричастности к общественным пространствам.

Следующим приоритетным направлением совершенствования системы предупреждения вандализма является механизм межведомственной координации и мониторинга, в котором должна участвовать не только полиция, но и акиматы, органы образования, культуры, религиозные объединения, а также институты гражданского общества. Для реализации этого подхода необходимо:

- Создать на уровне областей и крупных городов межведомственные комиссии по профилактике вандализма, действующие на постоянной основе и наделённые мониторинговыми, координационными и рекомендательными функциями;

- Обеспечить регулярный анализ состояния уличной среды с точки зрения визуального и символического порядка, включая наличие заброшенных объектов, слабозащищённых пространств, граффити без разрешения, а также объектов, несущих потенциальный конфликтный символизм;

- Внедрить интерактивные платформы обратной связи с населением, позволяющие оперативно фиксировать акты вандализма, сообщать о визуальном загрязнении среды и участвовать в формировании локальной профилактической повестки;

- Предусмотреть обязательное участие представителей гражданского сектора и молодёжных организаций в составлении региональных планов

профилактики вандализма, с закреплением целевых индикаторов и показателей эффективности.

Важным элементом данной модели является оценка эффективности реализуемых мер, которая должна основываться не только на количественных показателях снижения зарегистрированных правонарушений, но и на качественных критериях: изменение общественного отношения к вандализму, вовлечённость молодёжи в символическое оформление среды, рост числа добровольных реставрационных и художественных проектов, снижение уровня визуальной девальвации публичных пространств.

Таблица 6 - Предложения по совершенствованию системы предупреждения и правового регулирования вандализма в Республике Казахстан

Направление реформирования	Конкретные предложения	Ожидаемый эффект
Уголовно-правовая модернизация	- Введение квалифицированных составов в ст. 294 УК РК (по мотиву вражды, в группе, в отношении культовых объектов и т.д.)- Учет цифровых форм вандализма	Дифференциация ответственности, учет общественной опасности деяния, снижение правовой неопределенности
Судебно-доктринальное уточнение	- Постановление Пленума Верховного Суда по вопросам квалификации вандализма- Разъяснение понятий «осквернение», «порча», «общественное место»	Единообразие правоприменения, снижение казуистичности решений, повышение юридической предсказуемости
Адаптация к цифровой среде	- Расширение состава за счёт включения кибервандализма- Альтернативно: новая статья для цифрового осквернения цифровых объектов	Актуализация уголовного права, защита публичной цифровой идентичности
Институциональная профилактика	- Создание межведомственных комиссий по борьбе с вандализмом- Вовлечение органов образования, культуры, полиции, НПО, религиозных объединений	Комплексный мониторинг, согласованное реагирование, работа на опережение
Образование и	- Введение модулей в школы	Снижение субкультурной

правовое просвещение	о визуальной культуре и символике- Участие молодежи в легальных формах самовыражения (муралы, арт-проекты)	девиации, укрепление правовой и гражданской идентичности
Виктимологический подход	- Расширение понятия «жертвы вандализма» до символического и коллективного измерения- Признание нематериального вреда обществу	Повышение чувствительности к символической агрессии, усиление восстановительной направленности санкций
Восстановительная юстиция	- Обязательные работы по восстановлению объектов- Публичные извинения, участие в реставрации и антивандальных акциях	Реинтеграция правонарушителя, снижение рецидива, гуманизация уголовной политики
Аналитика и статистика	- Введение специализированной статистики по видам объектов, способу, мотивам и цифровой составляющей	Возможность формирования целевой профилактической и криминологической политики

Особое внимание в рамках реформирования системы предупреждения вандализма следует уделить виктимологическому измерению: необходимо осмыслить и нормативно закрепить положение, согласно которому жертвой вандализма выступает не только собственник испорченного объекта, но и группа или сообщество, с которым данный объект символически соотносится — будь то религиозная конфессия, национальная группа, профессиональное сообщество или граждане, идентифицирующие себя с государственной символикой. Такое расширенное понимание виктимности открывает возможность:

— Признания в рамках уголовного процесса групповой или общественной "нематериальной" жертвы;

— Возложения на виновное лицо не только обязанности по компенсации имущественного ущерба, но и обязанности по восстановлению нарушенной символической репутации объекта (например, участие в ремонте, публичное извинение, размещение социальной рекламы и пр.);

— Применения общественных санкций нематериального характера, таких как участие в антивандальных форумах, проведение просветительских встреч, реставрационных работ и т. д.

Подобные меры позволяют не просто наказывать за совершённое, но воздействовать на девиантное мышление, преодолевать отчуждённость

правонарушителя от среды, объектом посягательства на которую он выступил, и встраивать его в систему общественно значимых ролевых взаимодействий.

Анализ, проведённый в рамках главы 3, позволяет констатировать, что существующая в Республике Казахстан система уголовно-правового и институционального реагирования на вандализм демонстрирует высокую степень нормативной, организационной и методологической фрагментарности, что существенно снижает её превентивный потенциал и способность к адекватному отражению социальной природы данного преступления. Вандализм, являясь не только формой материального посягательства, но и актом символической агрессии, направленной против публичных, культурных, идеологических и религиозных ценностей, требует системной правовой и административной трансформации.

В пункте 2.1 выявлены структурные дефициты в практике квалификации и правоприменения: отсутствие единообразных критериев разграничения вандализма и смежных составов, игнорирование мотивов и общественного контекста деяний, редукция правонарушений до «порчи имущества» без должной криминологической оценки. Правоприменительная практика, как показывают проанализированные реальные дела, склонна к правовой минимизации подобных актов, что противоречит задачам уголовной политики и снижает авторитет государственной реакции на преступные посягательства в общественном пространстве.

В пункте 2.2 была проведена всесторонняя оценка институциональных пробелов в профилактике вандализма. Отмечено отсутствие специализированной статистики, неразвитость восстановительных практик, слабая межведомственная координация, а также правовая инертность в части реагирования на новые формы вандалистского поведения, в том числе цифровые проявления. Констатируется, что превентивные меры носят фрагментарный, декларативный характер и не обеспечивают системного охвата целевых групп риска, прежде всего подростков и молодёжи.

Пункт 2.2 содержал комплексные предложения по модернизации действующего законодательства и профилактической инфраструктуры. Обоснована необходимость внесения изменений в статью 294 УК РК путём выделения квалифицированных составов, расширения диспозиции, включения форм цифрового вандализма и введения символически ориентированных квалифицирующих признаков. Предложена интеграция восстановительных механизмов (включая публичные извинения, участие в реставрации повреждённых объектов), развитие антивандальной просветительской среды, институционализация межведомственных комиссий, а также формирование полноценной статистической и аналитической базы.

Результаты исследования подтверждают, что решение проблемы вандализма требует не изолированного ужесточения санкций, а интердисциплинарной, нормативно целостной и профилактически насыщенной политики, сочетающей правовое реагирование, культурно-образовательное

воздействие и восстановительный потенциал социальной справедливости. Только при условии согласованной модернизации уголовного законодательства, судебной практики и профилактической работы возможно достижение устойчивого снижения уровня вандалистской преступности и укрепление символической устойчивости публичного пространства.

Таким образом, рассмотрев механизмы предупреждения вандализма, мы приходим к выводу о необходимости разработки методических рекомендации по совершенствованию профилактики вандализма и усилению мер криминологического предупреждения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое в рамках настоящего исследования комплексное теоретико-правовое и криминологическое осмысление вандализма как социально-правового феномена позволило прийти к обоснованному выводу о многоаспектной, динамичной и системно-угрожающей природе данного преступного поведения. Вандализм, далеко выходящий за рамки простой порчи имущества, трансформировался в современной правореальности в символически заряженное, зачастую демонстративное деяние, направленное на подрыв устойчивости публичного порядка, девальвацию культурной идентичности, деструкцию общественных ценностей и разрушение визуального и цифрового ландшафта государства. Такая трансформация требует переосмысления парадигмы правового реагирования, в том числе в части уголовно-правовой квалификации, институционального реагирования, судебного толкования и системы профилактики.

В первой главе диссертации была исследована эволюция понятия «вандализм» в правовой, криминологической и культурологической традиции. Установлено, что изначально закреплённое как метафора варварского разрушения, понятие вандализма в ходе правового развития приобрело нормативную чёткость, однако сохраняло высокий уровень оценочности. В национальном контексте (на примере Республики Казахстан) данное явление долгое время оставалось на периферии уголовно-правового регулирования, формально закрепившись в статье 294 УК РК в крайне лаконичном и универсализированном виде. Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал, что законодательства развитых стран дифференцируют формы вандализма по объекту, мотиву, способу и последствию, выделяя в отдельных составах вандализм по идеологическим мотивам, вандализм в отношении культурного наследия, кибервандализм, граффити-преступления и иные формы деструктивной визуальной активности. Казахское законодательство пока лишено такой внутренней сложности, что создаёт значительные правоприменительные трудности.

В рамках второй главы была дана криминологическая характеристика вандализма, охватывающая социально-демографический, психологический и поведенческий портрет субъектов, криминогенные факторы, а также основные объекты и тенденции преступлений вандалистского характера в Республике Казахстан. Установлено, что подавляющее большинство актов вандализма совершается лицами в возрасте до 25 лет, преимущественно мужчинами, в состоянии правовой, социальной и культурной дезадаптации. Вандализм нередко становится формой девиантного самовыражения, попыткой выразить фрустрацию, социальный протест или протест против символов власти, нормы или традиции. Кроме того, выявлена тенденция к смещению объекта преступного посягательства с утилитарных объектов (остановки, лифты, фасады зданий) на символически значимые (памятники, мемориалы,

религиозные сооружения, цифровые репрезентации органов власти), что требует изменения подходов к квалификации деяния и публичному реагированию. Констатировано, что вандализм в современной его форме нередко имеет латентный характер, а его распространение во многом обусловлено бездействием социальных институтов и дефицитом гражданского участия в управлении пространством.

Кроме того, был осуществлён системный анализ текущей правоохранительной и судебной практики по делам о вандализме, а также дана оценка эффективности профилактической политики. Установлено, что статья 294 УК РК применяется крайне фрагментарно и не обеспечивает охвата актуальных форм вандализма, особенно в его цифровом и символическом измерении. Суды склонны к упрощённой трактовке деяния, игнорируя мотив, резонанс, субъективную направленность и характер объекта. Как следствие, в делах о вандализме практически не реализуются отягчающие обстоятельства (мотив вражды, идеологическая направленность, группа лиц), отсутствуют попытки применения восстановительных практик или методик ресоциализации. Анализ конкретных дел показал, что многие действия квалифицируются как хулиганство или порча имущества, даже в случае очевидной идеологической агрессии и публичности посягательства. Профилактика вандализма на уровне исполнительной власти носит преимущественно декларативный характер, не подкрепляется аналитической базой, не реализуется в координированных межведомственных механизмах, а также лишена социальной адресности.

На основании проведённого анализа в диссертации сформулирован комплекс предложений по совершенствованию уголовного законодательства, включая расширение состава вандализма, введение квалифицированных признаков, учёт цифровых форм посягательства, а также разработку разъяснительных актов Верховного Суда. Предложены меры институционального и организационного характера: создание межведомственных антивандальных комиссий, введение специализированной статистики, разработка национального плана профилактики вандализма, расширение программ правового просвещения, вовлечение молодёжи в легальные формы визуального самовыражения, использование восстановительной юстиции, в том числе через общественно-полезные работы, реставрации и публичные формы извинения.

Таким образом, ключевым выводом работы становится утверждение о необходимости реформирования модели противодействия вандализму в Республике Казахстан — от статичной, формализованной и репрессивной к динамичной, контекстной и превентивно-гуманистической. Только при условии сочетания правовых, организационных, педагогических, урбанистических и цифровых инструментов можно обеспечить защиту общественных пространств, символов, культурных ценностей и коллективной идентичности от актов деструкции, независимо от их физической или виртуальной природы.

Поставленные в ходе исследования цели и задачи в полном объёме достигнуты. Результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности, практике следственных и судебных органов, в разработке программ профилактики правонарушений, а также в образовательных и просветительских инициативах, направленных на формирование у молодёжи устойчивого правосознания, уважения к публичному пространству, культуре и нормам сосуществования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ – (дата обращения: 18.01.2025).
- 2 Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 3 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: от 5 июля 2014 г. № 235-V – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 4 О культуре: Закон РК от 15 декабря 2006 г. № 207-III – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ – (дата обращения: 18.01.2025).
- 5 Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия: Закон РК от 2 июля 1992 г. № 1488-XII – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z92001488_ – (дата обращения: 18.01.2025).
- 6 Постановление Правительства РК от 12.12.2020 г. № 802 «О мерах по предотвращению правонарушений среди несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000802> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 7 Постановление Пленума Верховного Суда РК «О практике рассмотрения дел о преступлениях против общественного порядка» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P210000003_ – (дата обращения: 18.01.2025).
- 8 Баймуханов А.А. Проблемы квалификации вандализма в уголовном праве Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жарғы, 2022. – 148 с.
- 9 Жумагулов К.К. Уголовно-правовая охрана общественного порядка: монография. – Нур-Султан: Қазақ университеті, 2021. – 204 с.
- 10 Махмудова Л.Н. Вандализм как угроза общественным ценностям // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2021. – № 4. – С. 45–52.
- 11 Ермоленко Н.А. Правовая охрана общественного порядка: проблемы и решения. – Караганда: КарГУ, 2020. – 160 с.
- 12 Бекмаганбетов С.Б. Психология подростковой преступности. – Астана: Ел орда, 2019. – 112 с.
- 13 Наумов А.В. Уголовное право: курс лекций. Общая часть. – М.: Норма, 2023. – 472 с.
- 14 Назаренко Е.С. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – М.: Юнити-Дана, 2020. – 312 с.
- 15 Чучаев М.А. Преступления против общественного порядка и нравственности. – М.: Юристь, 2022. – 496 с.
- 16 Малков В.П. Символизм преступления: правовая интерпретация. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. – 267 с.

- 17 Жакупов Ж.А. Девиантное поведение и вандализм: междисциплинарный анализ. – Алматы: Дәуір, 2023. – 194 с.
- 18 Филиппов В.А. Виктимология. – М.: Проспект, 2021. – 256 с.
- 19 Турлыбекова Г.Е. Уличная преступность в РК: криминологические аспекты. – Караганда, 2020. – 129 с.
- 20 Беляева Л.А. Социология девиантного поведения. - М.: Юрайт, 2022. - 352 с.
- 21 Абдирова А.С. Преступность несовершеннолетних в Казахстане // Право и государство. – 2023. – № 2. – С. 76–83.
- 22 Генкин Д.М. Киберпространство и уголовное право. – М.: Статут, 2021. – 186 с.
- 23 Конвенция о киберпреступности (ETS №185) // Сов. Европа. – Будапешт, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/4089723/> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 24 Criminal Damage Act 1971 (UK). — [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 18.01.2025).
- 25 Strafgesetzbuch (StGB). §§ 303–305. – Bundesministerium der Justiz. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/___303.html – (дата обращения: 18.01.2025).
- 26 Code pénal (France). Art. 322-1 – 322-6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006417707 – (дата обращения: 18.01.2025).
- 27 Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<https://base.garant.ru/10108000/> -(дата обращения: 18.01.2025).
- 28 Morgan D. et al. Crime and Symbolic Order. – Oxford: Routledge, 2020. – 217 p.
- 29 Kelling G., Wilson J. Broken Windows // Atlantic Monthly. – 1982. – Vol. 249(3). – P. 29–38.
- 30 Weber M. Economy and Society. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1064 p.
- 31 Hirschi T. Causes of Delinquency. – Berkeley: Univ. of California Press, 1969. – 309 p.
- 32 Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. – New York: Free Press, 1963. – 188 p.
- 33 UN-Habitat. Safe Cities Global Initiative: Final Report. – Nairobi, 2021. – 94 p.
- 34 Фёдоров В.Е. Урбанизм и девиантность: правовые аспекты // Право и политика. – 2022. – № 7. – С. 101–108.
- 35 Дусенов Е.Н. Несовершеннолетние и преступность: анализ и профилактика. – Алматы: НИЦ юстиции, 2020. – 97 с.
- 36 Центр прикладной социологии РК. Отчёт по исследованию вандализма в городской среде. – Алматы, 2021- 24 с.
- 37 Комитет правовой статистики и специальных учётов ГП РК. Статистический бюллетень. – Астана, 2023 –18 с.
- 38 Бекбаев А.Б. Уголовная политика Казахстана. // Вестник КазГЮУ. – 2023. – № 1. – С. 12–20.

- 39 Ибраева А.С. Формирование правосознания молодёжи. – Астана: КазНПУ, 2022. – 168 с.
- 40 Жарикбаев К.Н. Подростковый протест и вандализм // Социум и право. – 2022. – № 3. – С. 60–68.
- 41 Гильманов С.Х. Мораль и уголовное право. – Казань: КФУ, 2020. – 134 с.
- 42 Назарова М.Ю. Граффити как социальное явление. – СПб.: Питер, 2021. – 144 с.
- 43 Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. Проект "Молодёжь и девиация". – Алматы, 2021.
- 44 Судебный кабинет РК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://office.sud.kz> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 45 Правовая база «Әділет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz> – (дата обращения: 18.01.2025).
- 46 Министерство внутренних дел РК. Статистика преступности 2019–2023 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/activities/14765?parentId=54> - (дата обращения: 18.01.2025).
- 47 Генеральная прокуратура РК. Доклад о состоянии преступности. – Астана, 2023 -5 с.
- 48 НИЦ правовой политики РК. Профилактика преступлений среди молодёжи. – Астана, 2022 -8 с.
- 49 Кан Н.В. Преступность и культура: сравнительный анализ. – Алматы: ҚазҰУ, 2021. – 138 с.
- 50 Фаросская конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: – Фарос, 2005. https://e-ecolog.ru/docs/1cfx3XP82bbuaFAS6OQp8?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F- (дата обращения: 18.01.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Проект

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

по совершенствованию профилактики вандализма и усилению мер криминологического предупреждения

1. Введение

Современное казахстанское общество в условиях урбанизации, цифровизации и роста молодежной мобильности сталкивается с устойчивой тенденцией роста актов вандализма, выражающихся в порче, уничтожении либо осквернении объектов общественного, культурного и исторического значения. Учитывая высокую степень социальной опасности вандализма, его латентность и деструктивное воздействие на общественное пространство, актуализируется задача выработки эффективных междисциплинарных и межведомственных мер предупреждения данного преступления.

Настоящие методические рекомендации предназначены для специалистов в сфере правопорядка, образования, молодежной политики, а также для сотрудников органов местного самоуправления и неправительственных организаций. Их цель — представить систематизированный комплекс подходов к предупреждению вандализма на основе криминологических, правовых и социокультурных механизмов.

2. Теоретико-правовая основа профилактики вандализма

2.1. Понятие и уголовно-правовая характеристика вандализма

Вандализм, согласно статье 294 Уголовного кодекса Республики Казахстан, представляет собой умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, сопровождающееся выражением явного неуважения к обществу. В ряде случаев подобные деяния могут квалифицироваться по совокупности с иными составами (например, посягательство на объекты культурного наследия, ст. 315 УК РК, либо по мотивам розни — ст. 174 УК РК).

3. Цели и принципы профилактики

3.1. Цели

Минимизация криминогенных условий, способствующих совершению актов вандализма;

Формирование правовой культуры и социально одобряемых моделей поведения;

Развитие межведомственного и общественного партнёрства.

3.2. Принципы

Превентивность;

Социальная адресность (работа с группами риска);

Комплексность (правовая, педагогическая, информационная компоненты);

Общественная вовлеченность

4. Основные направления профилактической деятельности

4.1. Нормативно-правовое обеспечение

Разработка подзаконных актов по профилактике вандализма на уровне регионов (например, постановлений акиматов);

Внесение изменений в ст. 294 УК РК с учётом формы и объекта вандализма;

Уточнение терминов вандализма в КоАП РК для разграничения административной и уголовной ответственности.

4.2. Криминологический мониторинг

Регулярный анализ криминогенной ситуации на основе данных Единого реестра досудебных расследований (ЕРДР) и информационных систем МВД РК, включающих сведения о типичных очагах правонарушений;

Ведение территориального криминологического картирования для выявления зон с высоким уровнем уличного вандализма;

Оценка повторяемости и устойчивости криминального поведения среди подростков и молодежи.

5. Конкретные профилактические меры и инициативы

5.1. Для органов внутренних дел

Установление особого надзора и патрулирования в местах концентрации актов вандализма;

Разработка регламентов межведомственного взаимодействия с акиматами, прокуратурой, учреждениями образования;

Применение института условного осуждения с элементами общественно-полезного труда в качестве меры воспитательной и восстановительной юстиции.

5.2. Для органов образования

Включение модуля «Правовая культура и недопустимость вандализма» в учебные программы школ и колледжей;

Реализация программ медиации и правового наставничества;

Работа психологических служб с «группами риска» на основе поведенческих индикаторов.

5.3. Для местных исполнительных органов

Создание молодежных общественных советов, вовлечённых в контроль и охрану объектов культурного значения;

Организация граффити-фестивалей, молодежных урбанистических проектов, где творчество направлено в конструктивное русло;

Развитие системы видеонаблюдения, освещения и охраны в местах, подверженных риску актов вандализма.

5.4. Для гражданского общества

Проведение кампаний «Город — наш общий дом», «Чистый район», привлекающих молодежь к участию в благоустройстве;

Создание порталов общественного контроля с возможностью анонимной подачи информации о вандализме;

Поддержка школьных и вузовских инициатив, направленных на формирование ценностей ответственности и уважения к общественному пространству.

6. Рекомендации по усилению межведомственного взаимодействия

Подписание меморандумов о сотрудничестве между органами образования, МВД, прокуратурой и НПО;

Разработка общих планов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, включая компоненты, связанные с вандализмом;

Создание межведомственных аналитических групп по обработке данных, касающихся молодежной преступности.

Заключение

Профилактика вандализма требует системного и научно обоснованного подхода, сочетающего правовые, организационные, воспитательные и культурные меры. Особую роль в этом процессе играет превентивная работа с молодежью, межведомственное взаимодействие и использование современных аналитических инструментов.

Внедрение предложенных методических подходов позволит существенно повысить эффективность противодействия вандализму и укрепить правовые и нравственные устои казахстанского общества.